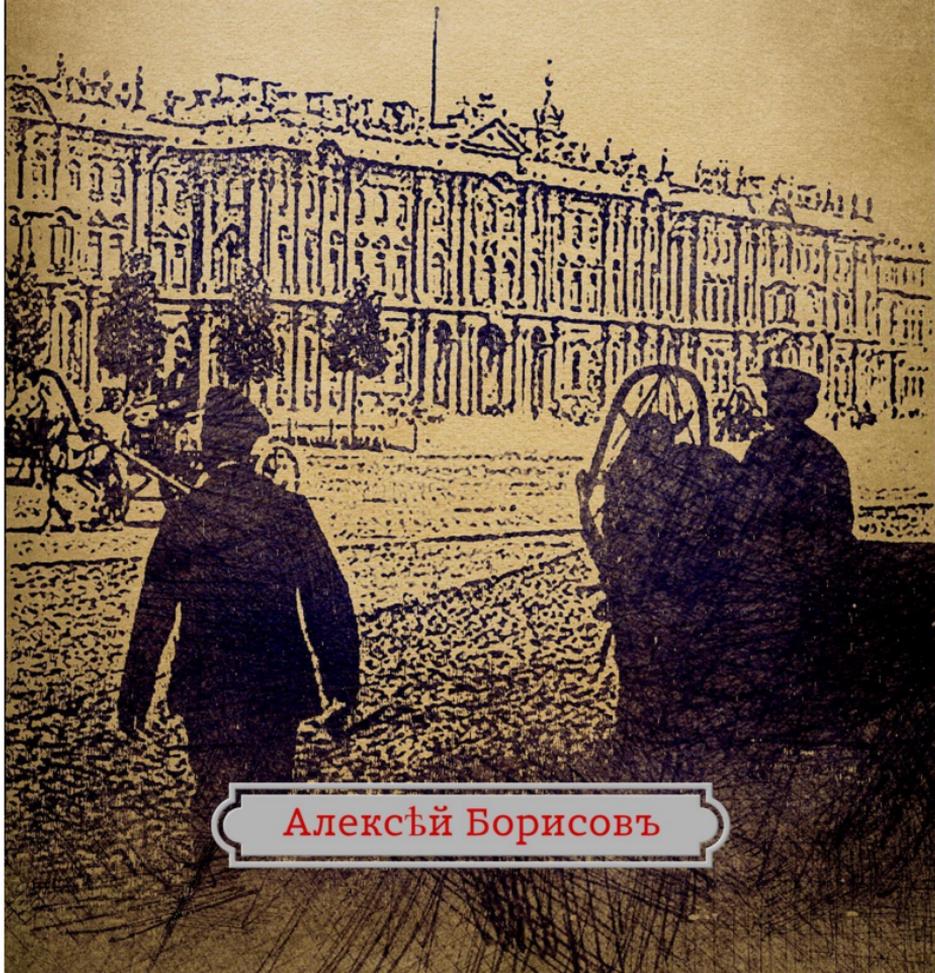

ЧЕЛОВЕК ЗА СПИНОЙ

Алексѣй Борисовъ

Алексей Борисов

Человек за спиной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70607392

SelfPub; 2024

Аннотация

Май 1877 года, начало русско-турецкой войны. Случайная встреча у трактира в Петербурге запускает цепь драматических событий. Убийство чиновника из министерства императорского двора только на первый взгляд кажется обычным преступлением. Кроме полиции и Третьего отделения, по следу идет неприметный человек, занимающий негромкую должность. Он облечен доверием министра, а уму и хватке могут позавидовать мастера сыска. Его противник – личность особенная, до самой развязки остающаяся в тени. Действуя чужими руками, этот злоумышленник ставит перед собой поистине грандиозную цель. Ничейного результата быть не может, кто-то должен проиграть...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	20
Глава третья	33
Глава четвертая	45
Глава пятая	60
Глава шестая	75
Глава седьмая	93
Глава восьмая	106
Глава девятая	124
Глава десятая	140
Глава одиннадцатая	155
Глава двенадцатая	169
Эпилог	177

Алексей Борисов

Человек за спиной

Мы навлекаем на себя ненависть, делая как добро, так и зло.

Никколо Макиавелли
«Государь»

Пролог

Пятница 6 мая 1877 года¹ в столице России выдалась удивительно теплой. Во втором часу порыв ветра с Финского залива прогнал с неба редкие облака, и над городом без помех засияло солнце. Почудилось, что лица петербуржцев на площади у Николаевского вокзала, невзирая на характерную для бойкого места суету, тоже просветлели. Далеко не благостным оно было, наверное, только у одного человека, шагах в пяти от трактира Силантьева на углу набережной Лиговского канала и Невского проспекта. Точнее, даже так: на нем застыло выражение ужаса, будто перед ним, откуда ни возьмись, возникла ядовитая гадина.

Перепуганным человеком был действительный статский советник² Петр Константинович Владыкин. В свои сорок два сохранив образцовую осанку, он хоть и поддался некоторой полноте в области живота, еще выглядел вполне привлекательно. Русоволосый, с аккуратно подстриженной бородой, пушистыми усами и бакенбардами, точь-в-точь как у государя императора Александра Николаевича, ростом Владыкин не уступал правофланговому Преображенского полка. Глаза

---

¹ Все даты даны по старому стилю.

² Гражданский чин 4-го класса, по «Табели о рангах» соответствовал генерал-майору.

имел карие, брови с ресницами густые, соболиные, нос правильной формы, губы чуть припухлые. Одет он был в будничные форменный сюртук темно-зеленого цвета, брюки в тон сюртуку, белоснежную накрахмаленную рубашку, черный жилет и фуражку. На стоячем воротничке выделялся черный же галстук.

– Здравия желаю, Петр Константинович, – учтиво повторил стоявший перед ним человек, приподняв над головой шляпу-котелок.

Владыкин попытался ответить, но из его горла лишь вырвалось нечто вроде хрипа.

Учтивый человек не производил демонического впечатления. Он был постарше своего визави, примерно на полголовы ниже, в плечах скорее узок. На бледном лице рос легкий пушок поверх подбородка и под носом. Взгляд его мутновато-серых глаз под редкими бровями был каким-то ускользающим, словно мужчина избегал смотреть прямо перед собой. На правой щеке виднелась небольшая круглая родинка, а тонкие губы в сочетании с глазами говорили, пожалуй, о скрытности натуры. Волосы под шляпой были соломенно-го цвета, короткие. Одевание составляла шерстяная пиджачная пара коричневого цвета, которую дополняли сорочка и бордовый галстук. С брюками гармонировали удобные прогулочные туфли, левой рукой их хозяин опирался на английский зонт со стальным острием, служивший ему тростью.

– Прошу прощения? – вопросительно произнес он, как бы

подразумевая, что готов прийти на помощь или, наоборот, избавить Петра Константиновича от своего присутствия при малейшем намеке с его стороны.

– Э-э... Да, разумеется. Здравствуйте, – наконец выдал из себя Владыкин, лицо которого пошло розовыми пятнами.

Прозвучало хрипло и несколько невпопад.

– Решил, что обознался. Но теперь понимаю, что нет, – продолжил человек с зонтом.

Его голос по-прежнему был сама любезность, однако Петр Константинович вздрогнул, как от внезапного выстрела. Собеседник явно хотел что-то добавить, сделав паузу. Ее оказалось достаточно, чтобы действительный статский советник резко развернулся и, не вымолвив больше ни слова, ринулся к двери заведения. Рванув ее на себя и подавшись в проем, он едва не сшиб выходящего посетителя – судя по внешнему облику, мелкого торговца вразнос.

На этом краткий диалог закончился. Человек с родинкой поправил на голове котелок и еще несколько секунд смотрел на закрывшуюся дверь. Его глаза и физиономия сохраняли то же неопределенное выражение. По площади сновали прохожие, где-то на путях за Николаевским раздался протяжный гудок паровоза.

Человек ловко достал из внутреннего кармана часы фабрики Генри Мозера, бросил взгляд на циферблат. Затем, спрятав серебряный кругляш с цепочкой и не став никого дожидаться, он свернул за угол и неторопливо зашагал по

Невскому в сторону центра.

Было без четверти три.

Глава первая

Смерть на Малой Мещанской

– Как съездили, Григорий Денисович? Провели всех?

Министр императорского двора и уделов, граф Александр Владимирович Адлерберг располагался за своим рабочим столом в кабинете на набережной Фонтанки, 20. Стол был, как всегда, завален бумагами, которые его хозяин считал необходимым изучить лично. Между министром и бронзовым письменным прибором с идеально отточенными перьями лежало начатое письмо. На крупном, породистом лице Александра Владимировича были заметны следы усталости. Седые волосы, обрамлявшие высокий лоб, и могучие серебристые бакенбарды с усами ясно напоминали, что одному из высших сановников скоро предстояло разменять седьмой десяток лет. Черными, как смоль, оставались только его брови. По случаю субботы граф облачился в мундир генерала от инфантерии, а из наград выбрал один орден святого Андрея Первозванного.

– Благодарю, ваше сиятельство. Всё успел, – отозвался его собеседник, сидевший в гостевом кресле.

В нем легко было узнать человека с набережной Лиговского канала, которого так испугался Петр Константино-

вич Владыкин. Коричневую пиджачную пару он сменил на неприметный мундир коллежского советника³ без всяких регалий.

– Ваш племянник сейчас на Дунае?

– Так точно. У Зимницы, в 53-м Волынском пехотном полку.

– В дивизии Драгомирова, значит. Что ж, ей предстоит важное дело, – министр двора и уделов еле слышно вздохнул. – Стратеги из военного министерства рассчитывают на быструю кампанию. Остается верить.

– Хотим по примеру Пруссии с Францией⁴?

В ровном голосе Григория Денисовича не прозвучало ни тени сомнения, но министр вздохнул снова.

– Хорошо бы, конечно. Правда, где столько немцев взять?..

– Если задержимся или, не дай Бог, увязнем, опять могут вмешаться другие державы. Англия точно, – задумчиво проговорил коллежский советник.

– В этом самое слабое место всего плана. Победить надо быстро, до осени, но в то же время не громить турок наголову, иначе последствий не оберемся. Боюсь, чересчур тонко для армии и ее вождей, – Адлерберг отложил перо.

---

³ Гражданский чин 6-го класса, соответствовал полковнику гвардии или полковнику в пехоте.

⁴ Имеется в виду франко-прусская война 1870-1871 гг., иногда называемая первым блицкригом.

– Будем надеяться на прозорливость и мудрость его величества.

Александр Владимирович нахмурился.

– На них и уповаю. От этой войны, Григорий Денисович, лично я не жду особого прироста отечеству. Расходы на мобилизацию уже велики, миллион человек под ружьем, а мы еще толком не начинали. Финансовое ведомство стонет, и если бы только деньги имели значение... Много эмоций вокруг освобождения славян и куда меньше трезвого расчета.

– Изменить принятое решение мы не в силах. Мой далекий предок Иван Леонтьевич Платонов в 1524 году выехал из Литвы к великому князю Василию Третьему, чтобы служить. С тех пор продолжаем.

На эту историческую справку Григория Денисовича графотреагировал задумчивым взором больших серо-голубых глаз.

– В вас я не сомневаюсь. Но оставим высокую политику и обратимся к прозе жизни. Здесь произошло кое-что, чем, вероятно, следует заняться.

Платонов, секунду назад казавшийся расслабленным, подобрался словно перед прыжком.

– Слушаю.

– Вы хорошо знали Петра Константиновича Владыкина?

– Из первого отделения канцелярии?

– Да.

– Что-то с ним случилось?

Граф Адлерберг вздохнул в третий раз, притом довольно отчетливо.

– Его убили вчера вечером.

Дом № 40 по Большой Морской улице имел полное право называться казенным. В его четырех этажах постоянно происходило движение людей в форме, вицмундирах, полукäftenах и штатском платье, а на просителей обоего пола и разных сословий Григорий Денисович Платонов начал наткаться еще при главном входе и закончил в необъятной приемной первого лица. В этом внушительном сером здании с восьмигранной пожарной каланчой жил и выполнял свои обязанности обер-полицмейстер, генерал-адъютант Федор Федорович Трепов, отвечавший за порядок и спокойствие в Санкт-Петербурге и назначенный также градоначальником.

Григорий Денисович сообщил о себе дежурному офицеру. Долго ждать ответа не пришлось. Из кабинета к нему бодрым шагом выступил подтянутый, среднего роста брюнет в генеральском кавалерийском мундире, с усами вразлет, чуть оттопыренными ушами и высоким лбом с залысинами, лет сорока на вид. Глаза его глядели вполне дружелюбно.

– Генерал-майор Козлов, помощник градоначальника, – представился он. – Можно просто по имени отчеству: Александр Александрович.

– Я к вам от графа Адлерберга, – вполголоса начал Пла-

ТОНОВ.

– Да, Федор Федорович поручил мне оказывать всё необходимое содействие, – упредил его Козлов. – Что вас интересует?

– Любые, какие угодно обстоятельства, вплоть до мелочей. Дело передано сыскной полиции?

– Сразу, как только была выяснена личность убитого. Собственно, это не составило труда: в кармане сюртука у господина Владыкина лежали его визитные карточки и бумажник с монограммой.

– Александр Владимирович сообщил мне, что ваша основная версия – убийство при попытке ограбления.

– Именно так, никакого противоречия здесь нет, – Козлов сделал жест, приглашая перебраться в угол приемной, подальше от посторонних. – Убийцу спугнули жильцы дома, совершенно случайно. Следовали в питейное заведение поблизости.

Платонов пожевал губами.

– Рядовое преступление?

– Очень похоже на то. Правда, пока неясно, что делал покойный на Малой Мещанской в десять вечера.

– Я хотел бы ознакомиться со всеми бумагами и вещественными доказательствами, – мягко, но настойчиво сказал Григорий Денисович.

– Конечно, понимаю. О подобных... э-э... происшествиях мы обязаны докладывать государю, но Федор Федорович

решил сначала поставить в известность его сиятельство.

– Правильно решил. Мало ли что может стать достоянием гласности.

Эти слова посланец министра произнес тоном, который не оставлял сомнений в его статусе.

Всё действительно произошло около десяти часов. Как было отмечено в протоколе, который составил пристав Казанской полицейской части, свидетелями преступления стали уроженцы Вологодской губернии Абросимов и Доронин, оба из крестьян, приехавшие в столицу на заработки. Они вместе вышли из доходного дома № 4 на углу Малой Мещанской и Столярного переуллка, где снимали комнату, и, свернув со двора в арку, шагах в восьми-девяти перед собой увидели неизвестного, склонившегося над лежащим человеком. Свидетели были навеселе и собирались продолжить возлияния. В поведении незнакомца им не понравилось то, что он, увидев их, отпрянул в сторону. Доронин окликнул его, а тот молча кинулся навстречу приятелям.

Свое замешательство они объяснили тем, что времени на размышления совсем не осталось. В последнее мгновение Абросимов попробовал заступить путь бегущему, но тот крепко ударил его плечом, пересек двор и скрылся в другой арке, выходящей на набережную Екатерининского канала. Преследовать его они не стали, поскольку отвлеклись на лежащего мужчину, да и не сразу разобрались, что к чему.

Под человеком уже растекалась лужа крови. Доронин поспешил в дворницкую, Абросимов остался рядом с телом. Далее был вызван городской, который по прибытии констатировал смерть потерпевшего. Рана была глубокой, удар пришелся точно в печень.

Оружия не нашли. Предположительно им послужил нож или кинжал с длинным, не менее семи вершков⁵, лезвием. Шансов спастись у действительного статского советника не было, понял Платонов, читая медицинское заключение. Пользы от Абросимова с Дорониным тоже оказалось мало. Хотя, конечно, лучше такие свидетели, чем вовсе никаких. О внешности убийцы они не смогли сказать почти ничего внятного. «Очень уж быстро бежал», – процитировал Доронина аккуратный пристав. Широкий в плечах, роста среднего, бородат. Могучую растительность уверенно отметили оба. «Чернявый», – оценил бородача Абросимов. Через уточняющие вопросы выяснилось, что помимо волос он имел в виду загар на лице.

Убийца, с их слов, был одет «по-мужицки». Поверх головы, кажется, носил картуз. Не исключено, что на набережной его ждали. Полиция обошла жильцов доходного дома, и один из них, чье окно было распахнуто из-за духоты, припомнил, что вслед за криками во дворе слышал шум отъезжающего экипажа. Впрочем, это могло быть простым совпа-

---

⁵ Вершок – старинная русская единица длины, равняется примерно 4,4 сантиметра.

дением. Бородач вполне успевал сбежать своим ходом.

Добравшись до описи личных вещей, которые принадлежали убитому, Григорий Денисович прервал чтение. Для ознакомления с материалами дела ему отвели место за узким столиком в помещении дежурного офицера. Коллежский советник встал и вновь попросил позвать генерал-майора Козлова.

– Александр Александрович, я хотел бы увидеть сами вещи, – обратился он к помощнику обер-полицмейстера, когда тот появился на пороге.

– Идемте, – согласился генерал.

При себе покойный Петр Константинович Владыкин имел, кроме визиток и бумажника с деньгами, карманные часы от «Тиссо», портсигар с папиросами производства фабрики Лоренца (до полного комплекта не хватало двух штук), коробок фосфорных спичек, костяной гребешок для волос, шелковый носовой платок и золотое обручальное кольцо. Все эти предметы были включены в опись. Однако внимание Платонова привлекли не они, а неровный, небрежно оторванный клоч синеватой оберточной бумаги размером с ладонь. На нем простым карандашом, печатными буквами, было выведено единственное слово: «Кречет».

– Что это? – спросил Платонов у надзирателя, отвечавшего за вещественные доказательства.

– Не установлено, ваше высокоблагородие, – отрапортовал сотрудник сыскной полиции.

– А где лежало?

– В правом брючном кармане.

Дело у Казанской части, как видно, принимали на совесть. В опись загадочную бумажку педантично внесли тоже, присвоив ей наименование «Записка невыясненного содержания».

– Полагаете, имеет отношение к убийству? – поинтересовался Козлов.

– Не знаю пока, – пожал плечами Платонов. – Как Владыкин заходил в арку, получается, никто не видел?

– Увы, никто. Сыскная полиция посетила и дом напротив по Малой Мещанской, там ни в одной квартире нас не порадовали.

– Очень жаль.

В обеденный субботний час Малая Мещанская улица вряд ли могла похвастать чрезмерным многолюдством. Обитатели этого не слишком respectable места, свободные от трудов праведных, в основном заполняли набережную Екатерининского канала. Район доходных домов в большинстве своем населяли те, у кого с доходами было туго. Это приискорбное обстоятельство отнюдь не мешало им посещать многочисленные дешевые трактиры Столярного переулка, находившиеся дальше от набережной и Кокушкина моста. В них гуляли допоздна.

Григория Денисовича Платонова интересовало другое. Не

став отпустить извозчика, он сначала заглянул в арку, где миновшим вечером произошло убийство. Прямоугольное отверстие скорее напоминало вход в туннель и производило мрачное, давящее впечатление даже при свете дня. В белесых же сумерках позднего майского вечера внутри арки, несомненно, было еще темнее и мрачнее. Проходной двор за ней, в самом деле, физически сильный человек мог проскочить за считанные секунды.

«Хорошо подобрано», – пробормотал Платонов. Вернувшись обратно на улицу, он принялся неспешно исследовать булыжную мостовую перед аркой. Здешний дворник, видимо, скреб метлой поверх камней: то ли инструмент поизносился, то ли его обладатель счел, что и так сойдет. Недокуренная папироса от Лоренца, в точности как из портсигара, обнаружилась в щели рядом с круглой тумбой, которая служила отбойником для экипажей и карет.

Редкие прохожие брели мимо, не обращая внимание на чиновника, присевшего на корточки. Чужие дела тут мало кого интересовали, и откровенничать с полицией народ не привык. Григорий Денисович выпрямился, положил окурочек в небольшой кожаный кисет без табака, всегда носимый при себе. В этот миг спиной он ощутил на себе чей-то пристальный взгляд.

Выдержав краткую паузу, Платонов моментально повернулся на каблуках. Его глаза уловили движение занавески в окне третьего этажа грязновато-желтого дома напротив. Бе-

лая материя дрогнула и застыла, скользкое ощущение чужого взгляда пропало. Григорий Денисович постоял еще с минуту, потом зашагал через улицу к дому.

– Барин, ждать? – окликнул его извозчик.

– Жди, – бросил он на ходу.

Во двор вела квадратная арка, очень похожая на ту, где погиб Владыкин. Проведя в уме необходимые вычисления, коллежский советник потянул на себя дверь в угловом парадном. В нос ему из полумрака ударил запах чего-то вроде прокисших щей или, возможно, плесени. Пол под ногами на площадке и на лестнице был давно не мыт. В одной из квартир второго этажа кто-то визгливо бранился.

Дверь нужной квартиры была без таблички. Платонов отрывисто постучал, эхо разнеслось по всем пяти этажам. Тишина. Постучал еще и услышал подобие шороха за дверью.

– Будьте добры, помогите, – сказал он.

Звякнула отмыкаемая цепочка.

Глава вторая

Семейные истории

В дом на набережной Мойки пускал вышколенный швейцар. Владыкины занимали всю левую половину второго этажа, там же постоянно обитала их прислуга. Хозяйка приняла Григория Денисовича в гостиной. На вдове действительного статского советника было черное платье с глухим воротом, из украшений – только символическая нитка белого жемчуга на шее. Как про себя отметил Платонов, Ирина Сергеевна в иные времена отличалась если не редкой красотой, то безусловной привлекательностью. Увы, годы не пощадили ее. Лицо с тонкими чертами осталось чистым и практически без морщин, однако с ним диссонировала чрезмерная полнота, совершенно испортившая когда-то стройную фигуру. На незваного гостя Владыкина смотрела твердо, не мигая. По ее зеленоватым глазам с короткими ресницами невозможно было прочесть, плакала она или нет, получив горестное известие.

– Сударыня, приношу вам свои соболезнования, – сказал Платонов, сняв форменную фуражку и наклонив голову.

– Оставьте. Вы же не за этим явились, – без сантиментов отреагировала его собеседница.

Сесть она не предложила, сама оставшись стоять. Ритуал вежливости был соблюден, настало время продолжить исследование.

– Не стану спорить. Удобно ли задать вам несколько вопросов? – таким же тоном осведомился Григорий Денисович.

– Мне уже задавали вопросы господ из полиции. Вы имеете к ним отношение?

– Нет. Я служил вместе с вашим мужем. Старший помощник делопроизводителя третьего отделения канцелярии министра.

Владыкина приподняла бровь.

– Чем занимается ваше отделение?

– Делами по инспекторской и церемониальной частям.

– Инспекторской... Что сегодня инспектируете?

– Обстоятельства смерти вашего мужа внушают определенные подозрения.

– Кого и в чем подозревают?

Платонов по-прежнему был сама невозмутимость.

– Я не готов назвать конкретное лицо. Скажите, вас совсем не удивила столь поздняя отлучка Петра Константиновича в пятницу?

– Нет, – односложно и без колебаний ответила Владыкина.

– Почему?

– Его время от времени вызывали на службу по вечерам.

Вам должно быть известно.

– Разумеется. Напомните, пожалуйста, когда это имело место в прошлый раз.

Этот вопрос заставил вдову помедлить.

– Довольно давно, – наконец сказала она.

– В апреле?

Ирина Сергеевна отрицательно качнула головой.

– Наверное, в марте.

– Раньше вызывали с такой же частотой?

– Раньше чаще, – раздраженно произнесла Владыкина. –

Вы уверяли меня, что знаете, тогда зачем спрашиваете?

– Я знаю о порядке, принятом в нашем министерстве, не более, – Платонов продолжал, будто эмоции хозяйки его абсолютно не касались. – Петру Константиновичу приходилось регулярно отлучаться?

– То есть?

– Раз, два, три в неделю? Может быть, реже?

Вдова опять задумалась ненадолго.

– Примерно раз в две недели.

– В это же время?

– Я не помню точно. Поздно, да. Позже девяти.

Григорий Денисович, прежде смотревший мимо хозяйки квартиры на средиземноморский пейзаж в красивой резной раме, взглянул ей прямо в глаза.

– Выходит, вы не удивились вызову? И тот факт, что за мужем прибыл не казенный курьер, а какой-то мальчишка, вас тоже не смутил?

– Решительно не понимаю, что вы имеете в виду! – с откровенной неприязнью фыркнула Владыкина. – Так было всегда. Понимаете? Всегда. Мало ли кого пошлют, я в этом не обязана разбираться.

– Полицейские задавали вам похожие вопросы?

– Только о том, происходило ли прежде нечто подобное.

– Вы рассказали то же, что и мне?

– Я просто сказала: «Да». У вас всё?

Григорий Денисович сдержанно поклонился и водрузил фуражку на голову.

– Слово «Кречет» вам ни о чем не говорит? – спросил он внезапно, когда Владыкина уже кивнула ему в знак прощания.

– Кречет? Птица? – удивленно переспросила она.

– Из семейства соколиных. Очень ценились охотниками и у нас, и в Европе.

– Вы любите охоту?

– Терпеть не могу. Убивать живых существ ради удовольствия... Нет уж, увольте.

Ирина Сергеевна, задержавшись, взглянула на Платонова как-то по-новому.

– Почему вы спросили?

– Видите ли, у вашего покойного супруга нашли странную записку с одним-единственным словом. Без подписи. Может, и не записку, а просто листок с заметкой на память. Знаете, черкнул, где пришлось...

– Записка у вас при себе?

– К сожалению, у следователя. Там печатные буквы, но руку я, пожалуй, узнал бы.

– Ничем не сумею вам помочь, – с сожалением ответила Владыкина. – Все бумаги мужа у нас опечатали и забрали еще утром. Могу одно сказать: к охоте он тоже был равнодушен.

Скрипнула дверь в переднюю.

– Desole, mere...⁶

Худенькая русоволосая девушка лет пятнадцати подалась назад и тотчас застыла в нерешительности. Ее наряд тоже напоминал о трагедии, постигшей семью Владыкиных. В зеленых глазах, совершенно как у Ирины Сергеевны, застыло выражение искреннего горя. Она определенно плакала, и много, сделал вывод Платонов.

– Господин Платонов знал отца, – без выражения произнесла вдова статского советника.

Григорий Денисович поклонился еще раз.

– Елизавета – моя старшая дочь, – пояснила Владыкина. – Еще есть младшая, Анастасия, ей в июне исполнится двенадцать. Впрочем, вы тоже должны быть в курсе.

Извозчик держал путь к Зимнему дворцу, находясь в приподнятом настроении. С клиентом ему повезло: Платонов не отпускал его, начиная с двадцатого номера по Фонтанке, и,

---

⁶ Простите, матушка (франц.).

кажется, готов был колесить еще. Чуть подсказывало, что заплатит, не торгуясь. Сам же Григорий Денисович, откинувшись на спинку сиденья, под стук копыт воскрешал в памяти разговор с жильцом дома на Малой Мещанской.

Там, за приоткрывшейся дверью без таблички, коллежский советник увидел седого, как лунь, человека в офицерском пехотном мундире времен Крымской кампании, с погонами майора. Мундир был изрядно поношен и сидел мешковато. Все пуговицы, впрочем, блестели, как только что пришитые. Человек с усилием опирался на грубую трость. Его левая штанина была заправлена в начищенный сапог, правая была подвернута чуть ниже колена, обнажая деревянный протез.

Все эти детали Платонов успел оценить буквально за пару секунд, пока отставной офицер не заговорил скрипучим голосом.

– Опять сыскная полиция?

В водянистых, с красными прожилками, глазах майора сквозила, пожалуй, не издевка, а скорее глухая обреченность. Увидев ее, Григорий Денисович отринул первоначальный план.

– Я хотел вам солгать и сказать, что занимаюсь частным сыском в интересах родственников покойного. Но теперь не стану.

Майор не стал захлопывать дверь и накидывать цепочку. Он тяжело, со свистом, дышал и ждал продолжения.

– Меня послали из министерства, где служил убитый. Я не верю, что он пал от руки обычного грабителя.

– Полагаете, я должен вас выручить?

Прищур майора не сулил доброго отношения.

– Мой родной брат погиб на Малаховом кургане двадцать седьмого августа⁷. Подполковник Платонов Георгий Денисович, Модлинского полка 15-й резервной дивизии.

Когда пауза до неприличия затянулась, а Григорий Денисович уже был уверен, что беседа завершится сию минуту, жилец квартиры неловко сделал полшага назад.

– Прошу.

Квартира явила Платонову образчик сдержанной бедности, которая из последних сил удерживалась от скатывания в нищету. Немногочисленная вышедшая из моды мебель, выцветшие обои, давно не обновлявшийся паркет на полу без следов лака или мастики. Оконные занавески, правда, были чистые, выстиранные и накрахмаленные. Запаха кислятины из кухни Григорий Денисович не уловил: он, видимо, относился к соседям. Зато от хозяина, когда тот, держась за косяк, пропускал гостя в комнату, пахло водочным перегаром.

Юрий Тимофеевич Яхонтов командовал батальном в Галицком егерском полку 5-й дивизии. Большинство его солдат, унтер-офицеров и офицеров полегло в сражении на Чер-

---

⁷ Малахов курган в Севастополе был взят штурмом 27 августа 1855 г. французской дивизией генерала Патриса де Мак-Магона.

ной речке 4 августа 1855 года, когда провалилась последняя попытка деблокировать Севастополь. Раненый осколком ядра, майор потерял сознание и под сильнейшим огнем французских стрелков был чудом вынесен с поля боя. Второе чудо случилось в полевом лазарете, где над ним колдовал хирург. Но на службу Яхонтов уже не вернулся.

– Бросили на верную смерть, и мы пошли. Как иначе? Присяга, долг... Шансов не было вовсе, генералы понимали, – сбивчиво рассказывал майор, сидя на тахте, застеленной полосатым покрывалом.

Платонов примостился возле окна, на жестком стуле. Тут и располагался нынешний наблюдательный пост Юрия Тимофеевича.

– Реад⁸ жизнью заплатил за ошибку, – напомнил коллежский советник.

– А сколько жизней погубил? Скольких калеками оставил?

Возразить было нечего. Разве что признать: вся та война была одной сплошной ошибкой. Подобало ли говорить такое чиновнику придворного ведомства? И полегчало бы Яхонтову от такого признания?

Да, отставной майор неласково отшил полицейского сыщика. Наотрез объявил ему, что никого не видел и ничего

---

⁸ Николай Андреевич Реад, генерал от кавалерии, в битве у Черной речки командовал колонной из 12-й и 7-й резервных дивизий. Считался одним из виновников поражения, чему поспособствовал Лев Толстой («Туда умного не надо//Ты пошли туда Реада»).

не слышал и ничьими делами не интересуется. В его словах и тоне звучала горькая обида на власть, которая назначила ему мелкую пенсию и бросила выживать, как придется.

После войны Яхонтова оставила жена, забрав пятилетнего сына. На Малой Мещанской он жил с сестрой, так и не вышедшей замуж. Потомственное дворянство не дало им особых преимуществ – кроме того, что Наталью Тимофеевну взяли гувернанткой в дом князя Урусова. Родовое имение в Рязанской губернии промотал еще их отец, и детям оставалось только служить или работать, невзирая на чужие мнения и предрассудки.

– Я ведь понимаю, что история ваша – темная, – дернув глазом, сменил тему Яхонтов.

– Почему темная? – спросил Платонов, но не слишком напористо, дабы не спугнуть удачу.

– Потому что они вместе были.

– Как вместе?

Майор прищурился опять, на сей раз хитро, будто видел Григория Денисовича насквозь.

– А так. Пришли пешком от моста.

– Вы не ошиблись?

– Помилуйте, как я мог ошибиться! Со зрением у меня полный порядок, в очках не нуждаюсь. К тому же парочка странная была. Этакий франт в цилиндре и с ним простой мужик в армяке, вроде извозчика.

– Запомнили мужика?

Выражение лица у Яхонтова сделалось довольным от осознания собственной значимости, глаза заблестели.

– Мужик обыкновенный. Коренастый, в плечах широкий. Ростом с вас. Бородища здоровая, лопатой.

– Чернявый?

– Как, говорите? Ну да, пожалуй. На цыгана похож.

Платонов глянул в окно. Вход в арку доходного дома № 4 отсюда просматривался замечательно. Интересно, сколько часов и дней провел у этой отдушины во внешний мир герой Крымской войны?

– Останавливались перед аркой?

– Откуда вы знаете? – удивился майор.

– Предполагаю.

– Верно, постояли с полминуты. Чиновник ваш министерский заговорил с чернявым, потом закурил. Потом зашли внутрь. Дальше суета поднялась, это без меня знаете.

– Больше ничего необычного не запомнили?

– Больше нет, – глаза Юрия Тимофеевича потухли.

Григорий Денисович достал бумажник.

– Пропью ведь, – без выражения сказал ему новый свидетель.

– На ваше усмотрение, – ответил Платонов.

В канцелярии министерства императорского двора Григорий Денисович задержался ненадолго. Покидая Зимний через северо-восточный служебный подъезд, он по-свойски

попрощался со стоявшими на карауле гренадерами. Одного из них, богатырской стати брюнета с подкрученными кверху а la Вильгельм Первый усами, Платонов знал лично и помнил его фамилию.

– Бдишь, Корнеев? – весело спросил коллежский советник.

– Бдим, ваше высокоблагородие, – молодецовато откликнулся гвардеец.

Довольный извозчик уже восседал на козлах, готовый мчать на угол Невского и набережной Лиговского канала. Местом следующей поездки стал трактир Силантьева. Субботним вечером он был полон, и дым в его залах с высокими потолками, как принято фигурально выражаться, стоял коромыслом. Половые в белых фартуках метались между столами, точно угорелые, спеша угодить гостям. Григорий Денисович поймал одного из них за локоть.

– Хозяина позови, срочно, – без церемоний сказал он ему на ухо, подкрепив просьбу мелкой монетой.

Трактирщик с раскрасневшимся лицом и каплями пота на мощном лбу (про такой обычно говорят: «Хоть поросят бей») появился из кухни. При тучной комплекции двигался он на удивление легко и проворно. Лицо его приняло предупредительное, но не слишком угодливое выражение. Илья Спиридонович Силантьев был выходцем из Ярославской губернии, а ярославцы держали много заведений в столице и знали себе цену.

Платонов, назвав себя и свою должность, без лишних слов показал хозяину трактира фотографию Владыкина, взятую в пользование у вдовы. На ней действительный статский советник красовался в парадном мундире при орденах и ленте. «Можете оставить себе», – ответила Ирина Сергеевна после обещания Григория Денисовича непременно вернуть карточку.

– Вчера с двух до трех видели его в заведении?

– Видел, – степенно подтвердил Силантьев. – Мужчина солидный.

– Один приходил?

– Один. Только ждали его.

– Кто? Бородач? Плотный, широкоплечий, на цыгана похожий?

Однако версия Платонова не подтвердилась.

– Нет, безбородый. Волос темный, но не совсем черный. Усики тонкие, сам не сказать, чтобы чересчур широк. Худощав скорее.

– А ростом велик?

– С него был где-то, с барина этого.

Дело принимало всё более интригующий оборот.

– Как одет?

– Да как мастеровые одеваются. Барин к нему подсел, говорили между собой, ровно приятели.

– Пили?

– Чай заказывали, калач.

Григорий Денисович помял пальцами переносицу. Он делал это всегда, чувствуя свежий след.

– Уходили по одному?

– По одному, – согласился Илья Спиридонович. – Сначала ваш господин, за ним второй.

– Но первый потом вернулся, так?

– Так, – повторил за чиновником трактирщик.

– Почтенный, что же я из вас клещами по слову тяну? Он не просто вернулся, а вбежал сломя голову, правда? – голос Платонова окреп до начальственного.

– Правда, – немного удивился Силантьев. – Обрато к столу подбегал. Видно, искал дружка-то.

– Не нашел?

– Как же нашел бы, раз он следом вышел?

– Что же было потом?

– Потом ушел опять. Совсем, то есть.

– Дело государственной важности, – веско, очень четко, с расстановкой объявил Платонов – Кто из половых обслуживал их стол?

Глава третья

Уравнение с тремя неизвестными

– В сыскной полиции уверены, что Владыкин сам себе устроил позднюю отлучку, – сказал генерал-майор Козлов.

На этот раз его общение с Григорием Денисовичем происходило не в фортеции Трепова, а в доме № 24 по Большой Морской. Домом, состоявшим из основного, уходящего вглубь квартала, здания и рядом стоящего флигеля, владела Адмиралтейская полицейская часть, но у Козлова и еще нескольких чинов градоначальства здесь были отдельные кабинеты. Тут же в полном составе квартировала сыскная полиция, созданная при канцелярии обер-полицмейстера одиннадцать лет назад. Несмотря на малую численность для города с населением в семьсот с лишним тысяч человек, она успела завоевать серьезную репутацию. Воскресенье, как и прочие дни недели, было для ее сотрудников рабочим.

– То есть, Петр Константинович просто оказался в неподходящее время в неподходящем месте? – вежливо уточнил Платонов.

– Да, так совпало. Стал жертвой банального убийства с целью грабежа.

– Но куда же он всё-таки шел?

– С этим сложнее. В близлежащих домах никто не опознал покойного по фото.

– Странно, правда?

– Правда, – согласился Козлов. – Объяснить его поведение пока не получается. Хотя случаи бывают разные. Может быть, кто-то не спешит признаваться.

– Вы начали с того, что удалось найти извозчика, который вез Владыкина, – напомнил Григорий Денисович.

Настенные часы, едва не заглушив его последние слова, гулко пробили десять.

– Да, извозчик забрал его на Мойке, прямо от парадного. Вместо адреса Владыкин назвал угол Столярного переулка и Малой Мещанской. Там и расплатился.

– Как выглядит извозчик?

Вопрос показался помощнику градоначальника неожиданным.

– Хм... Да как все извозчики. Армяк с кушаком, шаровары, сапоги.

– Бородат, конечно?

По тону Платонова невозможно было определить, шутит он или нет.

– На убийцу не похож, если вы об этом, – ответил генерал. – У него борода огненно-рыжая, ее легко запомнить.

– А на углу Столярного никто не ждал нашего любителя поздних моционов?

– Извозчик уверяет, что нет. Высадил Владыкина и сам

удивился, зачем тот на Мещанскую пожаловал. Но ему-то что? Получил свои копейки, развернулся и укатил.

– Какие же дальнейшие планы у сыскной полиции? Что мне доложить его сиятельству?

Козлов потрогал стреловидный ус.

– Чего греха таить, при Иване Дмитриевиче Путилине⁹ дела обстояли получше. К сожалению, беда у него со здоровьем, пребывает в долгосрочном отпуске... Все силы бросаем на розыск посыльного.

Стук в дверь помешал продолжению беседы.

– Ваше превосходительство, дозволите? – вчерашний надзиратель, переодетый в штатское и теперь имевший вид вылитого конторщика, деликатно шагнул в кабинет.

Его глаза излучали нескрываемую радость.

– Взяли мальчишку!

Мнимому посыльному недавно стукнуло четырнадцать. Он был щуплым и невысоким даже по сравнению со сверстниками, одет наподобие подмастерья, обут в стоптанные башмаки и, кажется, не умывался сегодня. Его живые, темные глаза бегали туда-сюда, ни на ком и ни на чем не задерживаясь. На ум Платонову пришло сравнение с воробьем, подбирающим крошки перед хлебной лавкой.

Узрев перед собой Козлова в мундире, с шашкой на боку, мальчишка втянул голову в плечи, будто хотел спрятаться.

---

⁹ Первый начальник сыскной полиции Санкт-Петербурга, легендарный сыщик.

Надзиратель Трубников, сообщивший начальству о задержании, развеял его иллюзии в прах.

– По уложению о наказаниях уголовных и исправительных, тебе каторга полагается. Знаешь об этом? – взял он быка за рога.

Задержанный шмыгнул носом.

– Помилуйте, барин...

– Судью будешь просить. Может, годик скостит.

– За что ж меня?

– За соучастие в убийстве. Как сообщник пойдешь.

Для скорейшего достижения результата опытный Трубников слукавил: мальчишке можно было вменить в вину не соучастие, а лишь пособничество. Впрочем, и за него закон предусматривал реальный срок, без скидки на возраст. Хотя в данном случае модный ныне суд присяжных мог и оправдать обвиняемого.

Этих нюансов страдалец не знал, поэтому в непритворном ужасе начал креститься.

– Какое такое убийство? Что вы, барин?

– Большого человека убили, генеральского звания. Ты помогал душегубу.

– Да что вы... Я только передал...

Растирая слезы по немытому лицу, Лёшка (так звали задержанного) выложил всё, что знал. Он добывал себе пропитание, крутясь возле французского ресторана «Донон», где столовалась самая чистая и денежная публика. Услуги по-

сыльного были частенько востребованы завсегда таями фешенебельного заведения, и благодарили, бывало, не жадничая. Лёшкин отец, каменщик, умер в позапрошлом году, перед этим страшно помучавшись, так как сорвался со строительных лесов. Мать подалась в прачки. В общем, не ахти какая удивительная житейская история.

Лёшку, по его словам, в пятницу, где-то ближе к девяти вечера, позвал прилично одетый молодой господин и предложил заработать. Адрес оказался знакомый – там же, на Мойке. Надо было через швейцара передать запечатанный конверт, а на словах добавить, что Петра Константиновича просят спуститься, для него есть устное послание. Владыкину же следовало сказать, что друзья ждут его на углу Столярного переулка и Малой Мещанской улицы.

«Смотри, не напутай. Уши оборву!» – строго предупредил господин, выдав полтинник серебром. От такого, доселе невиданного им вознаграждения Лёшка полетел чертомётом. Исполнил всё, как было велено, и вернулся к ресторану. Наниматель похвалил его, подкинул еще гривенник и уехал на извозчике.

Пособника отыскиали, шерстя всех подобных ему малолеток петербургского «дна». Сдал его приятель, перед которым Лёшка неосторожно похвалился полтинником. Поднят он был, действительно, с тюфяка в затрапезной каморке у Сенного рынка.

– На конверте что было? – рывкнул Трубников, куя железо,

пока горячо.

– Ничего, – торопливо заверил Лёшка.

– Извозчик ждал этого человека? – вмешался Платонов.

Лёшка искательно поглядел на Трубникова, затем на Козлова. В Григории Денисовиче он, очевидно, не признал значительной персоны. Надзиратель кивнул: позволяю, мол, говори.

– Нет, подкатил потом. Я видел.

– Опиши его.

– Худой такой, высокий.

– Бритый?

– Бороды не носит, да, – зачастил мальчишка. – Усы были.

– Как у него? – Платонов указал пальцем на Козлова.

– Не, маленькие, тоненькие.

– Глаза какого цвета?

– Серые.

– Точно? Не врешь?

– Господом Богом клянусь, спасителем нашим Иисусом Христом и пресвятой Богородицей! Чтоб мне провалиться! – несчастный Лёшка опять перекрестился.

Когда из допросной комнаты, устроенной на первом этаже, поднялись обратно в кабинет, помощник обер-полицейстера выглядел озабоченным и несколько сконфуженным.

– Банальное убийство с целью грабежа... – как бы размышляя вслух, промолвил Григорий Денисович.

– Ох, лучше молчите! Что-то совсем скверное на наши головы падает, – Александр Александрович скорчил гримасу, как от приступа мигрени. – А мне к Федору Федоровичу в полдень идти, уже назначено.

– Итак, в деле не меньше трех сообщников?

Министр императорского двора и уделов также не испытал радости от услышанного. Григорий Денисович представил ему свой доклад в том же особняке на Фонтанке, где утром в субботу узнал об убийстве.

– Да, не считая мальчишку, разумеется. Он, по сути, тоже жертва, – заметил Платонов.

– Вы уверены?

– Сначала я подумал, что возле «Донона» орудовал человек из трактира Силантьева. Рост, комплекция, усики... Но глаза не подделать и не заменить. У того, кто днем встречался с Владыкиным, они ярко-голубые. Половой видел его близко и не мог ошибиться. Значит, налицо двое с усиками плюс непосредственный убийца, напомнивший свидетелям цыгана. Первый о чем-то разговаривал, второй выманил из дома, третий зарезал. В ресторан, между прочим, второй злоумышленник не заходил, там его не видели. Берегся, ожидал парнишку на набережной.

Граф Адлерберг пошуршал бумагами, отодвигая их на край необъятного стола. Двумя пальцами за тонкую ручку взял фарфоровую чашку с подноса, отхлебнул свежезаварен-

ного яванского кофе, густой аромат которого сразу поплыл по кабинету.

– Тогда каков мотив преступления? – спросил он.

– Когда будем знать его, быстро найдем виновных. Пока ясно одно: Владыкин был как-то связан с ними.

– Прискорбно. Петр Константинович имел безупречную репутацию и мог успешно продолжить карьеру. Это дурная новость для государя.

Григорий Денисович скользнул взглядом по высоким книжным шкафам и окну, выходящему на набережную.

– Я вас понимаю, Александр Владимирович. В подчинении у Владыкина было всё первое отделение канцелярии, одиннадцать старших и младших помощников. Он ведал делами по хозяйственной, административной и распорядительной частям министерства. Круг обязанностей широкий, и зацепиться нам, увы, особо не за что.

– Но?

– Но я постараюсь.

Министр насладился напитком, сделав несколько глотков подряд, потом продолжил.

– Еще меня интересует странная записка, о которой вы упомянули. Полагаете, именно она лежала в том конверте, который принес якобы посыльный?

– Допускаю, – кивнул Платонов. – В ней печатные буквы, однако у них всё равно есть характерные особенности. Едва ли это почерк Петра Константиновича, я сравнивал.

– Что же такое «Кречет»? Условный знак? Пароль?

– Или прозвище. В любом случае слово ясно указывает на автора. А мальчишка просто сказал, куда следует приехать.

– Почему же адрес не доверили бумаге?

– Думаю, чтобы писать поменьше. И, согласитесь, сам по себе такой клочок не содержит абсолютно ничего подозрительного. Попади он не в те руки, что с того?

– Соглашусь, – подтвердил Адлерберг. – Ваши действия?

– Мой художник сейчас работает у Силантьева, рисует портрет человека, с которым беседовал Владыкин. Со слов трактирщика и полового. То же самое он проделает с парой свидетелей из дома № 4 по Малой Мещанской, а потом с Лёшкой, который сидит в сыскном отделении. У нас будут хотя бы примерные изображения всей троицы, – поделился своими планами Григорий Денисович. – Правда, на выпивох из Вологодской губернии я надеюсь слабо...

– Яхонтова к рисованию привлекать не будете?

– Не буду. Он сказал уже более чем достаточно, спасибо и на том. Иначе опять замкнется, пошлет подальше.

– Как вы вообще его разговаривали? – допив кофе, министр поставил чашку на поднос.

– Благодаря общим воспоминаниям.

– Хорошо. Только вот не пойму, как нам помогут портреты.

– Они обязательно пригодятся. Не стану утомлять вас предварительными умозаключениями, скажу только, что хо-

чу внимательнее присмотреться к жизни Владыкина вне службы.

– Кстати, что посоветуете по поводу полиции? Там не знают всего, что знаем мы.

Платонов улыбнулся краешками тонких губ.

– Пусть мы пока будем на шаг впереди.

Простившись с графом, он через черный ход выбрался на улицу и спустя пять минут был во дворе дома № 26 по набережной Фонтанки. Еще через минуту Григорий Денисович отпирал дубовую дверь квартиры на втором этаже. Не прошло и четверти часа, как в нее тихонько постучали: тремя короткими очередями по три удара. Гость коллежского советника, мужчина лет тридцати пяти с круглым веснушчатым лицом, одеянием походил на ремесленника из числа предлагающих починить что-нибудь по хозяйству, но таким точно не являлся. Во-первых, был он налегке, без инструментов. Во-вторых, хозяин приветствовал его рукопожатием, как старого знакомого, и увлек за собой в гостиную.

– Как всегда, очень срочно, – не дав ему рта раскрыть, сказал Платонов, когда оба присели на стулья с плюшевой обивкой.

– Григорий Денисович, могли бы не говорить, – понимающе отозвался гость.

– Перво-наперво сделай копии, по числу своих молодцев, – с этими словами Платонов достал и положил на стол фотокарточку Владыкина. – Езжай в мастерскую к Штейн-

бергу, на Малую Миллионную. Предупреди, что от меня, обслужат без очереди. Задание такое...

От Силантьева он вышел ровно через минуту после своего собеседника, чтобы свернуть на Лиговскую, и увидел всё с предельно малого расстояния. Владыкин, правда, не замечал никого вокруг, на него будто столбняк напал. Во избежание отрицательных последствий пришлось чуть удалиться от места непредвиденного randevu. Встреча завершилась быстро. Действительный статский советник бегом скрылся в недрах трактира, а бледнолицый тип в котелке беззаботной походкой свернул на Невский.

– Что это было? – без экивоков спросил он Владыкина, когда тот опять очутился на улице.

– Господи... – чиновник схватился за сердце.

– Только не умирайте. Кто вас напугал?

– Вы не представляете, какой это страшный человек! Он – глаза и уши министра, от него ничто не скроется...

– Так уж ничто?

Бледнолицый не оставил демонического впечатления. Если говорить начистоту, впечатлений от него вообще был ноль. Чернильная душонка из тысяч пустоголовых бумагомарак. У действительного статского советника просто расшалились нервы.

– Вы мне не верите, но он всё подмечает. Меня непременно спросят, зачем я сюда приходил, – в голосе Владыкина

завзвучали панические нотки.

– Отвечайте, что чай пили.

– Нет-нет, так легко я не отделаюсь!

Чиновника била дрожь. «А ведь он действительно на грани припадка. Сам проболтается и нас погубит. Нельзя рисковать». Эта мысль и дала толчок дальнейшим действиям.

– Бросьте переживать, лучше попросите у начальства отпуск, – посоветовал он непринужденным тоном.

– Мне сейчас не дадут.

– Всё равно попросите.

Владыкин умоляюще протянул к нему руки, дотронулся до рукава поддевки, вызвав гадливое ощущение. Возникло острое желание оттолкнуть его.

– Мы с вами закончили, верно? Закончили? Я же принес то, что вам нужно...

На эти навязчивые приставания он грубо ответил:

– Ждите. Скоро узнаете.

Медведь наблюдал за ними со своей позиции. Оставалось отдать ему необходимое распоряжение. Стоило бы, конечно, перед тем как действовать, попросить совета, но времени на переговоры, похоже, не оставалось. Всю ответственность пришлось взять на себя. А впереди еще одно решение, куда тяжелее, и оно точно не обсуждается... Но это – наш сознательный выбор, назад дороги нет.

Глава четвертая

Честная сделка

– Не ошибся твой человек?

– Горько такое слышать, Григорий Денисович. Когда вас подводили?

На веснушчатом лице у помощника Платонова даже нарисовалось выражение обиды – впрочем, скорее притворное. Сейчас он был одет иначе: в темно-серый сюртук-визитку, синий жилет, белую сорочку с голубым галстуком и светло-серые, в тонкую черную полосу, брюки. Из нагрудного кармана визитки небрежно торчал носовой платок одного цвета с галстуком. Голову венчал небольшой черный цилиндр. Коллежский советник рядом с ним смотрелся простовато в своем повседневном мундире и фуражке.

Они сидели внутри двухместной пролетки с поднятым верхом, стоявшей напротив дома № 9 по Литейному проспекту. Каменный особняк с высокими окнами и парой балкончиков не походил на одно из средоточий светской жизни. Все окна обеих этажей, кроме подвального, светились приглушенным светом. Шторы на них были плотно, без единой щелки, задернуты. Ни шума, ни звуков музыки. Возле арки, в тени, с правой стороны здания неподвижно застыл

привратник в длиннополом кафтане, косая сажень в плечах.

– Как же извозчик его запомнил?

– Владыкин велел высадить его на углу Литейного и Кирочной улицы, дальше отправился на своих двоих. Извозчик там задержался, что-то с упряжью было не в порядке, поправлял. Возле него, когда он стоял, другой экипаж проехал – медленно, почти шагом. Народа мало в это время. Ему показалось, что за Владыкиным следили.

– Взяло и показалось? Почему?

– Экипаж был с седоком, мелькнула чья-то голова. А ехали еле-еле, Владыкина не обгоняли, тот виден был впереди, под фонарями. Сыскная полиция обычно так делает. Извозчик однажды ездил с агентом, запомнил манеру.

– Любопытно, да. Примерную дату не помнит?

– Нет. Уверен только, что до Пасхи¹⁰. Еще снег лежал.

Платонов энергично потер переносицу.

– Выходит, все трое возили Владыкина в этот район?

– На Фурштатскую, на Сергиевскую и на угол Кирочной.

Всё было, как в нашем случае: рассчитывался, потом шел пешком.

– Осторожный был Петр Константинович, царствие ему небесное... Видимо, имел веские основания. В дом впустили его без проволочек?

– Не ждал у ворот. Наш извозчик, понятно, не останавливался, но как раз проехал мимо, когда калитку отворяли.

---

¹⁰ Православная Пасха в 1877 г. была 27 марта.

– Крайне любопытно...

Человек с веснушками снял цилиндр и по-простецки поскреб пятерней в затылке.

– Не добавите немножечко, Григорий Денисович? Ребята из кожи вон лезли. Считай, за сутки управились.

– Деньги не мои, казенные, – сказал Платонов непреклонно, однако при виде жалобной grimасы помощника смягчился. – Ладно, по рублю сверху, каждому.

Вечерняя поездка на Литейный стала для коллежского советника завершением насыщенного понедельника. Он начал день с привычного ему министерства двора и уделов, где обратился к формулярным спискам, содержащим биографические данные и сведения о служебной деятельности чиновников. Затем посетил губернское дворянское собрание на Михайловской улице. В тамошнем ресторане пообщался с активным членом собрания бароном Нольде, с которым предварительно, через курьера, условился о встрече. После обеда принял дома, на Фонтанке, своего негласного помощника, получившего в воскресенье еще одно, кроме поиска извозчиков, задание. Сообщенным ему результатом остался доволен.

В половине седьмого Григорий Денисович переступил порог дома Владыкиных на Мойке. Через минуту он протягивал его хозяйке фото безвременно усопшего Петра Константиновича.

– Вы могли не беспокоиться. Я же говорила, что возвращать карточку не обязательно, – отстраненно сказала Ирина Сергеевна.

Она была в том же траурном облачении и в целом выглядела так, словно они не расставались.

– Если позволите, один деликатный вопрос, – добавил Платонов.

– Деликатный?

– Да. Он необходим в интересах расследования.

Владыкина отошла к окну, остановилась, поворотилась лицом к гостю.

– Задавайте.

Григорий Денисович отметил про себя, что ее голос почти не изменился.

– С покойным мужем вас связывали исключительно деловые отношения?

– Что?

Голос хозяйки и теперь не дрогнул.

– Вы понимаете, что я имею в виду. Вас устраивало положение замужней женщины, супруги высокопоставленного лица. В его планы тоже не входил развод, он похоронил бы благоприятные перспективы Петра Константиновича при дворе. Кроме того, возможно, имелось еще одно тонкое обстоятельство...

– Идите вон, – негромко, но твердо произнесла Владыкина.

Григорий Денисович сдержанно поклонился.

– Прошу простить меня. Мною движет стремление найти убийц, которые должны быть преданы суду.

Ирина Сергеевна сжала спинку стула.

– Уходите и не появляйтесь больше никогда.

Граф Адлерберг внимательно выслушал версию Платонова. По озабоченному взгляду министра было понятно, что вторничная аудиенция у государя обещала стать для него трудной. К личностям злоумышленников не удалось приблизиться ни на дюйм. Портреты, писанные со слов свидетелей, вышли живыми, но отыскать оригиналы в огромном городе, кишасщем людьми... с этим у полиции, занятой массой других преступников, пока было глухо. Конечно, за розыск перед императором отвечал обер-полицмейстер. Тем не менее, наверху могли задать вопросы и Александру Владимировичу, чей человек участвовал в процессе поисков.

– Полагаете, его шантажировали?

– Скорее всего, – ответил Григорий Денисович.

– Чем?

– Загадка скрыта в особняке на Литейном. Но без помощи градоначальства нам ее не разгадать.

Министр потрогал расшитый ворот мундира.

– Трепов без восторга откликнулся на мою просьбу сообщать о любом упоминании прозвища «Кречет» в делах его подчиненных. Он подозревает, и не без оснований, что мы

утаиваем от него какие-то сведения.

– Надо будет попросить еще.

– Долг платежом красен, Григорий Денисович, – Адлерберг повертел в руках перо. – Вообще, двойная жизнь Владыкина – это удар по всем нам. Как он скрывал ее? Надеюсь, что здесь вы всё-таки неверно оценили факты.

– Боюсь, если б не моя с ним нечаянная встреча, мы до сих пор пребывали бы в блаженном неведении, – со вздохом признался Платонов. – Подумать только, мне вдруг захотелось воспользоваться чудесной погодой и прогуляться, отослав вещи с вокзала на извозчике...

– Вас мучает совесть?

– Я тоже думал о том, что его могли убить из-за меня. Правду мы узнаем чуть позже – если узнаем, конечно. В любом случае первый шаг навстречу гибели Владыкин сделал, связавшись с этими тремя.

Граф посмотрел в мутноватые глаза советника и прочел в них спокойное принятие судьбы.

– Раньше у меня не было оснований как-то выделять Петра Константиновича из числа служащих министерства, – продолжил Платонов. – Он в самом деле имел репутацию требовательного начальника, человека педантичного и аккуратного, не склонного к пьянству и распутству. Посещал дворянское собрание, играл в карты, но без лишнего азарта и мотовства. К скачкам был равнодушен. По сей день не припомню сплетен, связанных с его именем.

– Всё началось внутри семьи?

– Очевидно. Врачебную тайну нам, разумеется, никто не откроет, но, уверен, Ирина Сергеевна больше не может иметь детей. А покойный как-то раз, в кругу близких приятелей по дворянскому собранию, обмолвился, что очень хотел сына.

– Отчуждение между ним и супругой возникло на этой почве?

– Притом сильное. Я при первой же встрече почувствовал, что жену, в отличие от дочери, мало тронула его смерть, – заметил Григорий Денисович.

– *Ut ameris, amabilis esto*¹¹, – прошептал граф.

– Про вероятность развода не буду даже говорить подробно. Не считая морального ущерба от скандала, Владыкин мог потерять многое в материальном отношении. В свое время он выгодно женился, а ныне его собственное имение в Тверской губернии безнадежно заложено в банке. Расторжение брака означало для него если не финансовый крах, то переход к очень экономной жизни.

– Откуда вы... Ах, да, понимаю.

– Есть осведомленный источник, которым я иногда, со всеми предосторожностями, пользуюсь. В пределах сметы, которую вы мне выделяете.

Скрипнуло кресло. Министр привстал и сделал Платонову жест рукой: «Сидите, сидите».

---

¹¹ Чтобы тебя любили, будь достойным любви (лат.).

– Устаю от кабинетных бдений, Григорий Денисович, – сказал он. – Ничего, скоро поедем с государем на театр военных действий, отдохнем.

– Уже скоро?

– Двадцать первого числа из Царского Села. Во время вашего московского вояжа всё решилось.

– Я остаюсь?

– Да, вам придется остаться. Как видите, в министерстве есть, за чем приглядывать. Про меня и без того довольно гадостей говорят: дескать, злоупотребляю монаршим доверием, чересчур непринужденно с деньгами обращаюсь и прочая, и прочая.

– Эти говоруны забывают, что доверие сначала нужно завоевать, – обронил Платонов.

– Не ждите благодарностей от современников, – Адлерберг неторопливо уселся обратно в кресло. – А уж от потомков...

– Потомки по-своему распишут. Вы правы, граф, – подхватил Григорий Денисович.

– Кстати, еще несколько слов про деньги. По-вашему, именно их вымогали у Владыкина?

– Полиция задавала его жене вопрос, не допускал ли он дополнительных расходов – например, под предлогом проигрыша в карты, отдачи долгов. Ответ был отрицательным. Дома осталась крупная сумма наличными, банковский счет он давно не трогал. Семейные драгоценности тоже на месте.

– Странный шантаж, не находите? Чего же добивались? Неких решений по службе?

После этих слов министра Платонов легонько побарабанил пальцами по краешку стола.

– Не исключено. Поэтому уточню еще раз: может быть, Владыкин недавно выполнял какие-нибудь поручения, связанные с распределением значительных средств или имущества? Такие, где в принципе есть простор для злоупотреблений?

– Поручений более чем хватало, – задумчиво проговорил граф. – Сейчас поневоле в голову приходят самые неожиданные подозрения. За первым отделением числились и ремонт в Зимнем, и продовольственные закупки, и обеспечение поездов государя. Оно ключевое в этом смысле... Без новых доказательств мы с вами не докапаемся до истины.

Досконально изучивший все интонации министра, Платонов уловил в его рассуждениях и другое: «Как бы не пришлось начинать заново. Уж больно много логических допущений и домыслов».

Фонари на Литейном проспекте светили тускло. До начала белых ночей оставалось меньше недели, и темнело уже медленно и вяло. Теплый майский вечер длился и длился, отказываясь перетекать в ночь. В доме № 9 уже не осталось темных окон. В крайнем слева, на втором этаже, за шторами только что зажгли свет. Григорий Денисович взглянул на ча-

сы: десять минут одиннадцатого. Несмотря на погоду, не сулившую дождя, он был одет в длинный широкополый плащ с поднятым воротником, на голове имел треугольную форменную шляпу черного цвета.

Его соседом внутри крытой кареты был генерал-майор Козлов. Чтобы не привлекать излишнего внимания, остановились на углу Фурштатской улицы, около бывшего владения княгини Варвары Долгоруковой. Отсюда открывался неплохой вид на интересовавший их особняк. Чины сыскной полиции, замаскированные под петербургских обывателей разного рода, наблюдали за домом со всех сторон. Федор Федорович Трепов внял убедительной просьбе графа Адлерберга и дал команду на проведение операции.

– Позвольте полюбопытствовать, с чем была связана такая секретность? – спросил Козлов, отведя от глаза раздвижную подзорную трубу. – До самого выезда никто не знал даже адреса.

– Мои очередные домыслы всему виной, – усмехнулся Платонов.

– Домыслы?

– Шучу. Хотя в таком деле лучше пересолить, чем недосолить.

– Вы сомневаетесь в ком-то?

– Ни в ком персонально, да я и не знаком с этими достойными людьми, – пояснил Григорий Денисович. – Просто если предположения верны, у хозяйки особняка могут быть

влиятельные покровители. Более того, я не полагался бы и на здешнюю полицейскую часть.

– Хозяйка – дама особенная, спорить не стану, – сказал Козлов.

Собственницей дома № 9 была помещица из Гродненской губернии Софья Викторовна Мураховская. Будучи девятнадцати лет от роду и отличаясь, по общим отзывам, поразительной красотой, она вышла замуж за потомка древнего аристократического рода. Брак был во всех смыслах неравным: по возрасту Аркадий Казимирович Мураховский годился ей в отцы, к тому же семья Софьи, из обычной шляхты, заметно уступала ему в знатности.

Не прошло и трех лет, как супруг умер от сердечного приступа. Молодая бездетная вдова стала наследницей внушительного состояния и вскоре перебралась в столицу. Особенно она купила в 1868 году, в свет выезжала редко. Если верить слухам, Софья Викторовна отвергла предложения руки и сердца от нескольких титулованных мужчин. Поговаривали, что она сама ведет дела, не доверяя управляющим, и хватка у нее железная.

– Много сегодня гостей? – поинтересовался Платонов у генерала.

– Четыре хороших экипажа подъехали, ожидают во дворе, – ответил Козлов. – Все за последний час.

– А раньше?

Помощник обер-полицмейстера покосился на Григория

Денисовича, словно тот знал больше, чем говорил. Впрочем, так оно и было. Минувшим вечером, до сыскной полиции, за особняком следили в оба «молодцы» Платонова.

– Раньше, с восьми до половины девятого, одна за другой, были крытые кареты.

– Сколько?

– Тоже четыре. Заехали ненадолго во двор и выехали.

– Понятно, – протянул Григорий Денисович так, что ничего понятнее не стало.

– Мы с вами до которого часа будем наблюдать? – Козлова явно подмывало ускорить ход событий.

Коллежский советник еще раз посмотрел на часы.

– Пожалуй, больше не будем.

Он снял и уложил на сиденье плащ. Под ним обнаружился парадный, с эполетами, шитьем на воротнике и обшлагах, мундир министерства императорского двора и уделов. При мундире, как полагалось, была шпага, в петлице – орден Святого Георгия 4-й степени.

– Ого! – не удержался от восклицания Козлов. – Вы награждены за воинский подвиг? Или...

– Нет, это не театральный реквизит по случаю операции, – опередил его Платонов.

– Где же, простите мне мое любопытство, вы отличились? И когда?

– Расскажу как-нибудь в другой раз, – с этими словами Григорий Денисович толкнул незапертую дверцу кареты.

Дюжий привратник молча принял у него визитную карточку и жестом попросил подождать. Визитку он передал другому слуге, дежурившему по ту сторону калитки, а сам остался на посту. Калитка на образцово смазанных петлях снова, без звука, открылась минуты через три.

– Прошу вас, – слуга в ливрее склонился у дверного проема.

Платонов обратил внимание на то, что он также был крепок телом и широк в плечах.

В дом зашли через парадный подъезд со ступенями, устланными ковровой дорожкой. Роскошью и даже некоторой вычурностью обстановка напоминала скорее дворцовые покои: дорогие сорта дерева и ткани, позолота, бархат, мебель от именитых мастеров. Слуга (он же, вероятно, один из телохранителей) ступал впереди, указывая дорогу.

Софья Викторовна приняла явившегося без спроса гостя в сравнительно небольшой комнате, которая убранством походила на кабинет. Но бумаг на столе с запирающимися ящичками не было совсем. На нем стоял только бронзовый шандал в виде дерева с раскидистыми ветвями. Пять свечей горели, еле слышно потрескивая. Углы кабинета скрывал полумрак.

– Что же побудило вас, Григорий Денисович, просить о личном свидании в позднее время?

Да, Мураховская и после тридцати заставляла восхищаться собой. Ее красота была прямо вызывающей. Ярко-алое

вечернее платье в стиле sultan rouge идеально облегло фигуру до самой талии, расширяясь книзу и переходя сзади в шлейф. Фигура, впрочем, не нуждалась в облегающей материи и корсете, и это тоже было очевидно. Узкие рукава с манжетами открывали кисти рук и запястья, их белая кожа казалась неправдоподобно чистой. Длинные каштановые локоны падали на спину, спереди прическа обнажала высокий, без единой морщины, лоб. В светло-голубых глазах играла насмешка – по оценке Григория Денисовича, умело прикрывавшая беспокойство. В мелодичном голосе проскальзывал легкий акцент, который придавал аристократке дополнительный шарм.

– Я предлагаю вам, Софья Викторовна, договориться.

– Договориться? Не понимаю.

– Вкратце объясню. Есть основания считать, что в вашем доме совершаются действия, противные закону и нравственности. В настоящее время дом окружен сыскной полицией. Как только я выйду из него – или не выйду, неважно – будет произведен тщательный обыск. Если вы уповаете на высоких покровителей, то напрасно. Я выполняю поручение министра и негласно расследую уголовное дело, о котором доложено государю. Посему, повторяюсь, нам с вами лучше заключить честную сделку.

Монолог коллежского советника с орденом и шпагой внешне почти никак не подействовал на хозяйку особняка. Лишь в ее взгляде промелькнул оттенок любопытства.

– У русских есть образное выражение, сейчас я вспомню... Да! Вы умеете брать быка за рога.

– Если не верите мне, подойдите, пожалуйста, к окну, – вкрадчиво сказал Платонов. – Перед домом уже стоят полицейские в форме и штатском, ждут приказа.

Мураховская отодвинула край тяжелой, плотной шторы с вензелями и кинула взгляд на проспект. Язычки пламени колыхнулись от движения воздуха.

Глава пятая

Опасны, как никто

Пуля из револьвера угодила ей чуть выше сердца. На лице у девушки сохранилось выражение крайнего изумления, будто она категорически не могла поверить в происходящее. Убитая не была писаной красавицей, но черты ее лица отличались правильностью и соразмерностью. Из общей картины выбивался лишь курносый носик, который она, должно быть, смешно задирала, когда сердилась или спорила. Коротко, по обычаю курсисток, стриженная блондинка до сих пор не очень-то и казалась мертвой.

Григорий Денисович махнул рукой санитарам и отошел от тела, лежавшего у стены. Его бледное лицо с родинкой было неподвижно. На месте налета до приезда Платонова всё оставили, как было, не трогая. Только раненого, оказав ему всю возможную первую помощь, увезли в Обуховскую мужскую больницу. Второй труп был распростерт перед прилавком, где погибшего настигла другая пуля.

– Что же такое творится, скажите на милость? Это просто дикость, как в Североамериканских Штатах, – растерянно спросил и сам себе ответил помощник градоначальника.

Коллежский советник не отреагировал на его фразу.

Представшая перед ним картина подтверждала худшие опасения.

Вооруженное ограбление произошло в среду, 11 мая, в начале первого пополудни. В ювелирную лавку компании «Рихтер и сыновья», что в доме № 2 по Новой Исаакиевской улице, вошли двое – высокий мужчина и девушка, оба в черных масках, полностью закрывавших лица. Торговое заведение открылось недавно и еще не обрело широкую известность у покупателей. Внутри в это время были приказчик и продавец, с минуту назад лавку покинула хорошо одетая супружеская пара средних лет.

Угрожая револьвером, мужчина велел приказчику сложить в поданный им пустой саквояж деньги и драгоценности, выставленные на продажу. Тот повиновался. У девушки тоже был револьвер, который она направляла на продавца. Когда содержимое кассы и прилавка с витриной оказалось в саквояже, грабитель потребовал поставить его на пол. Вслед за этим он хладнокровно, ни слова не говоря, выпалил в приказчика в упор. Затем, взведя курок, нацелил оружие на продавца.

Осознав, что следующий – он, продавец сделал движение влево, пытаясь укрыться за кассой. Видимо, поэтому пуля, которая предназначалась ему, попала не в грудь, а в бок. Раненый упал за прилавок, слыша, как опять щелкает курок. Девушка закричала: «Ты что, Кречет? Нет!» После чего прогремел третий выстрел. Конечно, продавец решил, что убий-

да добьет его, и мысленно попрощался с жизнью. Но по ту сторону прилавка после нескольких металлических щелчков раздались торопливые шаги, потом прощально звякнул колокольчик от входной двери.

На выстрелы почти сразу подоспели соседи. Убийца, судя по всему, скрылся на извозчике. Человек из парфюмерного магазина успел заметить экипаж, сворачивавший в Почтамтский переулочок. Увы, отрядить за ним погоню было некому, все ужасались и суетились... Самое же невероятное случилось, когда на лихаче вихрем примчался владелец лавки Михаил Карлович Рихтер. В погибшей девушке, сообщнице злоумышленника, он узнал свою дочь Елену. Револьвер системы Лефоше, валявшийся возле нее, был заряжен холостыми патронами.

– Спасибо, что сразу сообщили про «Кречета», – хмуро сказал Григорий Денисович полицейскому приставу.

– Предупреждены были-с, – выкатил тот глаза, как на плац-параде.

Сыскная полиция рыла носом землю. В присутствии Платонова генералу отрапортовали, что найден свидетель – некий зевака, видевший, как под дверью лавки стоял мужик в синем армяке, с лохматой черной бородой. Стрельба началась, когда он удалился на изрядное расстояние в сторону собора и, обернувшись, мужика уже не приметил – вместо него один отъезжавший экипаж.

– Мужик плечистый, коренастый, лицо загорелое? – пере-

бил Платонов.

– Так точно, – подтвердил надзиратель.

Козлов издал горловой звук, напоминавший кряканье.

– Не трое их было изначально, а четверо, Александр Александрович. Хотя, возможно, мы и сейчас не про всех знаем, – произнес Григорий Денисович перед тем, как выйти на крыльцо.

У лавки собралась толпа любопытных. Вплотную ко входу ее не подпускали городовые. Народ гудел, галдел и, несмотря на грозные окрики стражей порядка, расходиться не спешил.

– Сказывают, семерых порешили из-за брильянтов... Все в масках и верхом на конях, – донеслось до Платонова.

Григорий Денисович воротился в торговый зал, откуда еще не до конца улетучился запах пороха. Переступив через засохшую кровь на полу, коллежский советник вполголоса сказал удрученному Козлову:

– Строжайше запретите разглашать подробности. Никаких имен газетчикам!

– Слухи разлетятся...

– От слухов уже никуда не деться. Пускай думают, что мы знаем меньше, чем на самом деле.

Кого имел в виду Платонов, было ясно без лишних слов. Оставив помощника градоначальника распоряжаться на месте преступления, Григорий Денисович переступил порог служебного помещения. Там, на грубом топчане без матраса, полулежа развалился Михаил Карлович Рихтер, грузный,

с усами под канцлера Бисмарка, мужчина лет пятидесяти в расстегнутом сюртуке из английского сукна и атласном жилете. Его галстук сбился набок, воротничок смялся, правая рука бессильно свисала до самого пола. Взгляд коллежского советника почему-то сперва упал на задравшуюся штанину владельца лавки, из-под которой были видны кальсоны. Рихтер, наоборот, будто не замечал вошедшего. Он неотрывно смотрел в потолок.

– Михаил Карлович, я должен задать вам вопрос. Пожалуйста, постарайтесь ответить, – исподволь начал Платонов.

Ювелир содрогнулся всем телом.

– Какой вопрос – кого я подозреваю? Можно подумать, вы не знаете? Моей Леночки больше нет... Они заморочили ей голову, затащили в эту свою революцию, будь она проклята!

Сбивчивый монолог, прерываемый рыданиями, позволил узнать кое-что. Елена была младшей и любимой дочерью Михаила Карловича. Его отец, выходец из Саксонии, принял российское подданство в 1821 году. Крестился по православному обряду, основал собственное дело, женился и обзавелся семьей. Наследнику досталось успешное предприятие, которое он сумел расширить. Один сын стал правой рукой коммерсанта в Петербурге, другой в свои двадцать пять уже представлял интересы компании в Москве.

Умница-дочка, вопреки родительским чаяниям, пошла по другой стезе: поступила в университет в Женеве и занялась изучением европейской литературы эпохи Просвеще-

ния. Рихтер-старший не смог противиться ей. В глубине души он надеялся, что за границей Елена встретит порядочного молодого человека из обеспеченной семьи. Столичная учащаяся молодежь ему откровенно претила, многовато в ней было вольнодумства и совсем мало уважения к старшим. Увы, всё сложилось еще хуже, чем опасался Михаил Карлович.

Авторы эпохи Просвещения, похоже, внушили дочери то, от чего она вроде бы уехала. К тому же, по ее более позднему признанию, судьба свела девушку с соотечественниками-эмигрантами. Елена безапелляционно величала их голосом правды и совестью нации. Наслушавшись этой совести, она в минувшем году самовольно бросила учебу и вернулась в Россию – бороться, Господи прости, за страдающий народ. Продолжением борьбы стали курсы при медико-хирургической академии (высшие учебные заведения империи были закрыты для женщин).

– Зачем ей это было? Зачем? Чего не хватало? Медицины вдруг захотелось...

Тяжко вздыхая и прихлебывая воду из стакана, принесенного надзирателем, Михаил Карлович поведал, что Елена, посещая курсы, свела дружбу с сомнительной публикой. Бежала в какой-то кружок, слушала всяких болтунов. Он верил, что дочь образумится, убеждал не пороть горячку, видеть жизнь в ее многообразии.

– О кружке она что-нибудь рассказывала? Где находится,

кто еще туда ходит из знакомых? – ввернул Платонов между вздохами и всхлипами.

– Нет, совсем ничего. Потом вообще перестала со мной разговаривать, целыми днями пропадала, – выдавил из себя глава компании «Рихтер и сыновья».

– Когда перестала, Михаил Карлович?

– Где-то с Рождества.

Больше ничего полезного раздавленный Рихтер не сообщил. Деликатно откланявшись, Григорий Денисович вышел мимо городских на тротуар, где еще гомонили зеваки, и размеренно зашагал прочь, держа путь к Сенатской площади. Вооруженное ограбление на Новой Исаакиевской дало ему обильную пищу для анализа.

– Прежде всего, я хочу знать, как давно господин Владыкин стал посещать ваш милый дом.

С этих слов началась основная часть беседы Платонова с Мураховской прошлым вечером. У Софьи Викторовны, видимо, все было учтено, потому что она ответила сразу:

– Очень давно. Почти сразу после того, как мы открылись.

– Какой это год?

– Самый конец шестьдесят восьмого или начало шестьдесят девятого.

– У Владыкина были какие-то нетривиальные предпочтения?

Хозяйка особняка на Литейном слегка прищурилась.

– Отчего вы так решили?

– Я думаю, обыкновенное посещение борделя не так уж сильно скомпрометировало бы Петра Константиновича. С кем не бывает, знаете ли. Его должны были шантажировать чем-то особенным, – невозмутимо пояснил Григорий Денисович.

Слово «бордель», кажется, чуть покорило Мураховскую. Она даже сочла нужным поправить позднего гостя.

– Мы называем это салоном. Мои клиенты платят за приятное общество не первых встречных особ.

Коллежский советник будто не расслышал ее.

– Всё-таки что насчет пикантных подробностей?

– Он предпочитал помоложе, – сухо ответила Мураховская.

– Насколько моложе?

– Лет четырнадцать или пятнадцать.

– Часто бывал?

– Раз в две-три недели.

– Дорого ему обходились ваши удовольствия? Скажем, за один визит?

Помещица из Гродненской губернии сказала сумму. Григорий Денисович потер переносицу.

– Неудивительно, что пришлось заложить имение... А клиенты знают друг друга?

– Что вы! – репутация салона явно была дорога Софье Викторовне. – Всё конфиденциально.

– Свой... э-э... состав откуда берете?

– Девушки только из приличных семей. Есть даже известные фамилии. Понимаете, – Мураховская бережно сняла щипцами нагар со свечи, – они приезжают сюда не только за деньгами. Ощущения тоже важны. Хочется познать новое, заглянуть поглубже в себя и других.

– Ну, а вы, Софья Викторовна, для чего этим промыслом занялись? Ваши земли вас больше не кормят? Покойный супруг оставил кучу долгов? Если не хотите, можете не отвечать, – Платонов рассматривал ее как редкое экзотическое существо.

– Мне просто интересно. Такие типажи... Очень неожиданные бывают гости! Вообще, с изучением порока мало что может сравниться, – теперь владелица особняка улыбалась, и в ее улыбке было что-то дразнящее. – А вы, господин советник, порочный человек?

Глаза Григория Денисовича блеснули, утратив прежнее выражение. В полутемном кабинете раздался его шелестящий смех.

– Нашу встречу я надолго запомню, – он прикоснулся пальцами к треуголке. – Не смею далее обременять. Полиция будет отозвана сию минуту.

Уже повернувшись к двери, за которой безмолвно ждал телохранитель, Платонов услышал прощальные слова Мураховской.

– Мы с вами чем-то похожи, Григорий Денисович. Или я

ничего не смыслю в людях...

Доверенный человек министра тряхнул головой, и свежее воспоминание рассеялось. Он уже пересек пустую Сенатскую площадь, оставив медного всадника справа и позади. На углу Адмиралтейского проезда и набережной стоял извозчик. Бородатый, но без загара на скуластом деревенском лице.

– На Фонтанку, – сказал Платонов.

– Пожалуйте, барин.

Утренний кофе министра Адлерберга совпал с очередным обменом мнениями по «делу Кречета». Так его можно было смело называть после кровопролития на Новой Исаакиевской улице.

– Ваше объяснение насчет Мураховской оказалось правильным. Горько осознавать, что подобное стало возможным у нашей аристократии, а главное, сойдет с рук... Но честное слово есть честное слово, от него нельзя отступать, – граф дал понять, что закрывает болезненную тему.

– Вы, наверное, хотели бы также поинтересоваться, как интимная тайна Владыкина стала известна злоумышленникам? – тактично подсказал Платонов.

– Признаться, да. Никак не пойму.

– Здесь мы по-прежнему опираемся на предположения. Или меры безопасности внутри салона Софьи Викторовны

не столь надежны, или кому-то на стороне проболталась одна из ее красоток. Возможно, узнать всю правду никогда не удастся.

Адлерберг молча кивнул в знак согласия.

– Кое-что новое о девице Рихтер, – добавил Григорий Денисович.

– Слушаю вас.

– Открылась пропажа драгоценностей, ранее подаренных ей отцом.

– Дорогих?

– Бриллиантовое кольцо, серьги, брошь и подвески сам ювелир оценивает минимум в девять тысяч¹².

Министр двора и уделов недоуменно нахмурился.

– Хм... Этой шайке всё-таки нужны деньги?

– Только как средство достижения цели, – убежденно возразил Платонов.

– Но в чем состоит их цель? Мы не стали ближе к ее пониманию, а государь торопит. Кстати, с минуты на минуту пожалует Николай Владимирович Мезенцов. К расследованию подключено Третье отделение.

Едва он успел договорить, как о прибытии шефа жандармов возвестил секретарь из приемной.

У генерал-адъютанта Мезенцова, судя по его манере дер-

---

¹² Чернорабочий в столице в 1877 г. зарабатывал в среднем 66 копеек в день, слесарь – 1 рубль, плотник – 1 рубль 10 копеек.

жаться, склонность к пространным речам отсутствовала. Взгляд человека, менее полугода назад ставшего символом «голубых мундиров», был устремлен куда-то поверх голов собеседников. Начавший карьеру унтер-офицером в гвардии, награжденный золотым оружием «За храбрость» в Крыму, он имел и внушительный опыт политического сыска. Отличаясь отменной памятью и завидным здоровьем, Николай Владимирович слыл начальником прямым и простым, но не солдафоном.

– Григорий Денисович неофициально занимается этим делом по моему распоряжению и с ведома государя, – сходу разъяснил ситуацию министр.

Лицо Платонова, судя по глазам Мезенцова, показалось ему знакомым, но генерал воздержался от расспросов. Коллежский советник не сомневался, что относительно его персоны скоро будут наведены все необходимые справки.

– Изложите, пожалуйста, свою оценку, – дал указание Адлерберг, повернувшись к подчиненному.

Платонов заговорил, глядя за спину шефу жандармов.

– В Петербурге действует опасная шайка, не гнушающаяся никакими методами. Вчерашний налет произведен, очевидно, с целью пополнения средств. Одновременно преступники избавились от сообщницы, которая навела их на ювелирную лавку. Ограбление и сопутствовавшие ему убийства произошли в людном месте, вблизи от правительственных учреждений. Судя по тому, что злоумышленники сознатель-

но идут на риск, следующего шага с их стороны стоит ожидать в ближайшее время.

– Мысль о том, что они покинут столицу и затаятся, не приходила вам в голову?

– Приходила, ваше превосходительство. От принятия этой версии меня удерживает тот факт, что прежде преступники вошли в сношения с действительным статским советником Владыкиным. Их интересовало нечто, связанное с ним. Это «нечто» находится здесь, – спокойно ответил Григорий Денисович.

– Возможно, возможно... Предположить политическую подоплеку вас заставила личность госпожи Рихтер?

– Так точно. Хотя первые сомнения в уголовном характере преступления возникли еще при разборе обстоятельств шантажа Владыкина. Я уже докладывал его сиятельству, но повторяю: деньги там не фигурировали.

– Не сгущаете ли вы краски, господин коллежский советник? – Мезенцов был само сомнение.

– Госпожа Рихтер примкнула к своим будущим убийцам по идейным мотивам. Она провела в их обществе не один день – более того, поддержала материально, затем приняла участие в ограблении отцовской лавки. Не может быть и речи о том, что Елена Михайловна по наивности перепутала нигилистов с бандитами. А чрезвычайная дерзость и жестокость упомянутого Кречета свидетельствуют о его готовности к любым злодеяниям. Точнее, о готовности всей шайки.

Владыкин был зарезан так же цинично и хладнокровно, — обстоятельно аргументировал Платонов.

— По-вашему, Кречет — их главарь?

— Пока я исхожу из этого допущения.

— Ну и сюрприз перед отъездом государя, — шеф жандармов, кажется, постепенно проникался значимостью момента. — Вы хотите сказать...

— ...что мы имеем дело с террористами. Они опасны, как никто другой, — отчеканил Платонов.

— Как я хочу, чтобы вы ошиблись...

— Николай Владимирович, — подал голос министр двора, — ваши агенты сообщали какие-нибудь тревожные сведения, скажем, в последние полтора-два месяца?

— Ничего, что касалось бы террора, — уверенно ответил Мезенцов.

— После выстрела Березовского¹³ в Париже у нас ведь не затевалось что-либо серьезное? — спросил Григорий Денисович.

Шеф жандармов побледнел.

— Вы подразумеваете попытку цареубийства?

— Именно.

— Слава Богу, Третье отделение таких приготовлений все прошедшие годы не отмечало. Знаю доподлинно.

— Революционеры в России заняты одной пропагандой?

---

¹³ Покушение на Александра II при посещении им Всемирной выставки в Париже 25 мая 1867 г. совершил польский эмигрант Антон Березовский.

– Постоите-ка! – воскликнул Мезенцов. – В посольство в Вене подкинули письмо с предупреждением о якобы готовящемся покушении на государя. Анонимное, разумеется.

– Странно, что я не в курсе, – многозначительно обронил Адлерберг.

– Я докладывал лично. Вероятно, государь посчитал его пустяком.

– Ваше превосходительство, вы могли бы припомнить всё, что касается этого письма? – обратился к генералу Платонов.

– Обычный лист писчей бумаги, почтовый конверт. Адресовано нашему послу Евгению Петровичу Новикову. Написано по-русски, с ошибками. Якобы покушение намеревались устроить турки.

– Турки? – хором переспросили Платонов и Адлерберг.

– Вот-вот. Не бред ли? Война войной, но такое уже слишком.

– Письмо доставили после двенадцатого числа¹⁴? – осведомился Григорий Денисович.

– Приблизительно через неделю. Я прикажу уточнить.

– Подробности в письме приводились?

– Ни малейших.

Мезенцов действительно помнил всё.

---

¹⁴ 12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Османской империи.

Глава шестая

Идейные наследники

Когда секретарь затворил дверь министерского кабинета, выпустив шефа жандармов, Платонов поднялся с гостевого кресла и прошествовал к окну. Вид отсюда на Фонтанку не менялся от визита к визиту, действуя на его хозяина и посетителей умиротворяюще. Но сейчас состояние Григория Денисовича, как и его покровителя, было далеко не мирным. Им предстояло определить главное направление поисков, притом максимально точно, ибо на исправление ошибки время вряд ли оставалось.

– Николай Владимирович делает ставку на свою агентуру. Она поможет только в одном случае: если наши вероятные террористы успели где-то наследить, – принялся рассуждать коллежский советник.

– Или если они являются частью какой-то более многочисленной организации, уже известной Третьему отделению, – дополнил министр.

– Конечно. Хотя у меня на сей счет есть сомнения. Такое сложно скрыть, учитывая, что осведомители внедрены во все мало-мальски активные противоправительственные кружки.

– Итак, ваше предположение...

– Да, я беру за основу тезис о небольшой группе. Совсем небольшой – может быть, действительно, человек из четырех или пяти. Их связывают жесточайшие требования конспирации, а жизнь и деятельность подчинены решению одной задачи, – сделал вывод Платонов.

– Вы меня пугаете, Григорий Денисович.

– Давайте лучше перегнем палку в эту сторону, нежели в другую, Александр Владимирович.

Министр двора выглядел измученным. Сейчас было отчетливо видно, что он далеко не молод, под глазами у него обозначились мешки.

– Принимая ваш тезис как истинный... Мы еще ни разу не сталкивались ни с чем подобным. Каракозов¹⁵ был, по существу, одиночкой, поляки – это особый сюжет. Кого можно сравнить с шайкой Кречета?

– Думаю, вы сами знаете ответ. Он лежит на поверхности.

– Григорий Денисович, ту гниль вовремя выкорчевали, – не вполне уверенно проговорил Адлерберг. – Ведь вы о Нечаеве и его «Народной расправе»¹⁶?

---

¹⁵ Недоучившийся студент Дмитрий Каракозов безуспешно стрелял в Александра II у ворот Летнего сада 4 апреля 1866 г.

¹⁶ Сергей Геннадиевич Нечаев (родился в 1847 г.) – основатель тайного общества «Народная расправа». Странник беспощадного террора и уничтожения всякой государственности по принципу «Цель оправдывает средства». В ноябре 1869 г. лично убил члена своей организации Ивана Иванова, ложно обвинив его в предательстве. Бежал из страны, был выдан правительством Швейцарии как уголовный преступник и приговорен судом присяжных к 20 годам каторги.

– О нем, – подтвердил Платонов. – Абсолютно циничное убийство девушки, а заодно попытка устранить всех свидетелей ограбления навели меня на мысль, что нигилисты руководствуются его заветами. Их аргумент – насилие в чистом виде. От запутавшегося Владыкина они тоже избавились, едва заподозрили опасность. Один подход, один почерк. На вашем месте я бы усилил охрану государя.

– Государь сейчас в Царском Селе, оттуда и отправится в Румынию. Он не захотел уезжать с Варшавского вокзала, как в прошлый раз, чтобы избежать стихийной патриотической манифестации. Разумеется, охрану мы усилим, я тотчас распоряджусь, – граф достал перо из чернильницы, придвинул к себе лист бумаги с грифом министерства.

– Пусть для дворцовой полиции срочно изготовят копии портретов и словесные описания тех преступников, которых мы знаем, – присовокупил Григорий Денисович. – Хотя это не гарантирует безопасность. Помните их кредо? «Революционер – человек обреченный». Нам надо не ждать удара, а опередить врага.

– Но как?

Платонов вернулся в кресло, сел и расправил образовавшуюся складку на брюках.

– Если я прав насчет того, что они – идейные наследники «Народной расправы», то, может быть, есть и реальная связь между ними и бывшими сообщниками Нечаева.

– Главные сообщники на каторге.

– А где сейчас сам Нечаев? В каких условиях его содержат?

– Он в каторжной тюрьме в Вильно, – сказал министр двора, но что-то в его голосе не понравилось Григорию Денисовичу, близко знавшему графа Адлерберга не первый десяток лет.

Коллежский советник пристально посмотрел на министра, неожиданно заставив того смутиться.

– Ваше сиятельство, умоляю дать мне правдивый ответ.

Граф стушевался еще сильнее.

– Григорий Денисович, речь идет о государственном секрете, который известен всего нескольким высшим сановникам.

– Я начинаю думать, что мы в самом деле подвергаемся колоссальному риску.

Министр глубоко вдохнул и выдохнул, как перед тяжелой ношей.

– Пугаться не стоит. Ввиду беспрецедентной опасности, исходящей от данного лица, государь повелел заточить Нечаева в Петропавловскую крепость. Навечно.

Записка на официальном бланке, украшенная подписью графа Адлерберга с длинным-предлинным хвостом, без труда обеспечила Григорию Денисовичу доступ в архив Петербургской судебной палаты. Материалы процесса «Народной расправы», к счастью, хранились именно здесь – в отличие

от дела ее основателя, который был судим двумя годами позже в Москве. За открытыми заседаниями, состоявшимися в июле 1871 года, Платонов следил не слишком внимательно, так как более чем хватало обязанностей по службе. Теперь он лихорадочно восполнял этот пробел.

Известие о тайном заключении Нечаева шокировало его. Разумеется, коллежский советник знал, что русские монархи время от времени прибегали к подобным мерам. Достаточно было вспомнить горькую участь свергнутого императора-младенца Ивана Антоновича¹⁷. Роман о нем, сочиненный литератором Данилевским, с позапрошлого года лежал без движения в цензурном ведомстве и для сведущих людей при дворе был секретом Полишинеля. Но после всех реформ и либеральных веяний нынешнего царствования Григорий Денисович искренне полагал, что от столь жуткой практики царь-освободитель отказался.

– Как же так можно, граф? – были первые слова, которые вырвались у него после сообщения Адлерберга.

– Вы не представляете, о ком говорите. Это настоящий бес, исчадие ада.

– Про бесов господин Достоевский написал, конечно, бойко, но всё же¹⁸... Был законный суд, был приговор. Право,

---

¹⁷ Иван VI Антонович родился в августе 1740 г., формально царствовал с октября 1740 г. до переворота в ноябре 1741 г. Был свергнут Елизаветой Петровной, младшей дочерью Петра I. Почти всю жизнь провел в одиночном заключении, был убит охраной при попытке поручика Мировича освободить его.

¹⁸ Достоевский вывел Нечаева в романе «Бесы» под именем Петра Верховен-

еще на костре сожгли бы.

– Воля государя и есть первейший закон, – неохотно парировал министр.

Погружаться далее в спорную тему он явно не желал. С его слов Платонов также узнал, что идеолога террора, собственноручно убившего своего сподвижника, держат в полной изоляции, в камере Алексеевского рavelина. Доступа к нему нет ни у кого, кроме коменданта, министра внутренних дел и шефа жандармов. Любая связь с внешним миром запрещена. Более того, имя и фамилия узника не упоминаются ни в каких документах.

– Так что голова у их организации отсечена, – подытожил Адлерберг.

Григорий Денисович только подкатил глаза к потолку вместо ответа. Ныне, взявшись за архивные папки, он в первую очередь обратился к фотографиям причастных к «Народной расправе». Третье отделение запечатлело всех, кто фигурировал в широком списке подозреваемых и был хотя бы однажды допрошен его следователями. По делу в общей сложности проходило сто пятьдесят два человека, из них предстали перед судом семьдесят семь.

Шестерых, остававшихся на каторге или в сибирской ссылке, он отмел сразу. Остались получившие малые сроки, оправданные или вовсе отделавшиеся более-менее легким испугом. Внимательный перебор карточек, снятых в фас и

профиль, сравнение их с рисованными портретами членов группы Кречета заняли всё время до закрытия архива и продолжились с утра в пятницу. Понимая, что за прошедшие годы гипотетические подозреваемые могли заметно измениться, Платонов был крайне придирчив.

Наконец, он остановился на двух молодых людях. Тогда, в 1871-м, первому исполнилось двадцать два, второму – двадцать лет. Оба родились во Владимире и доводились друг другу родными братьями. Сходство с портретами, положив руку на сердце, оказалось довольно отдаленным. Коллежского советника привлекла, скорее, их фамилия – Соколовские. Студенты Московского университета, отчисленные за участие в нечаевской истории, они в итоге избежали суда и были на три года помещены под полицейский надзор у себя на родине. Старший по имени Николай учился на физико-математическом факультете, младший Дмитрий – на философском.

– Сокол, он же Кречет? Хм, хм... Романтика? Рано, рано... Не доказано, – бормотал себе под нос посланец Адлерберга, исследуя карточки сквозь увеличительное стекло.

Показания не блистали оригинальностью. Жандармскому следователю братья в одинаковых выражениях поведали, что лично с Нечаевым знакомы не были, в тайное общество их заманил другой студент, но посетить ни одно собрание им не довелось, и никаких поручений Соколовским никто не давал. Правда, один свидетель, ссылаясь на рассказ Нико-

лая, уверял, что Нечаев навел на братьев перед самым своим бегством за границу. Однако старший Соколовский объяснил это элементарной тягой прихвастнуть перед приятелем. Иных же свидетелей не нашлось.

Кроме всего прочего, Соколовские были потомственными дворянами, а их отец в чине статского советника возглавлял губернскую казенную палату. Как теоретически допустил Платонов, он вполне мог приложить руку к смягчению участи заблудших чад. Что касалось чернявого бородача, то найти на старых фотокарточках кого-нибудь, смахивающего на него, не удалось.

Впрочем, порадовал усердием генерал-майор Козлов. Популярный у всех слоев общества «Петербургский листок» крикливо отозвался на вооруженное ограбление с человеческими жертвами, но самых сенсационных подробностей о Кречете и револьвере его сообщницы не привел. Верно назвав число погибших и упомянув среди них дочь коммерсанта Рихтера, газетчики без обиняков написали, что сыскная полиция скрывает обстоятельства произошедшего.

След револьвера, кстати, сыщики обнаружили быстро. Елена Рихтер, не таясь, купила его на прошлой неделе в оружейном магазине Лардере на Невском проспекте. Девушку с вызывающей прической и свободными манерами запомнил тамошний приказчик. Она приходила одна и заплатила наличными, не торгуясь. Этот факт не дал следствию ровным счетом ничего – как и тот, что пули, извлеченные из тел, вы-

летели из дула «Смит-и-Вессона». В полицейской коллекции ранее использованных боеприпасов схожие с ними образцы отсутствовали.

Для поддержания товарищеских отношений и с одобрения министра двора Григорий Денисович после обеда навестил Третье отделение. Благо, размещалось оно по соседству – в доме № 16 на Фонтанке. По иронии судьбы, Отдельный корпус жандармов квартировал в бывшем особняке князя Кочубея, одного из «молодых друзей» императора Александра Благословенного¹⁹.

Как выяснилось на месте, товарищеские отношения предстояло поддерживать через подполковника Всеволода Романовича Левковича. Статный, румяный, светловолосый мужчина, которому, кажется, не было еще сорока, в превосходно сидящем мундире с орденами святой Анны 3-й степени и святого Станислава 2-й и 3-й степеней, приветствовал Платонова как давний и добрый знакомый.

– Давайте просто по имени-отчеству, без лишних политесов, – широко улыбаясь, предложил Левкович.

Во Владимирское губернское жандармское управление была отбита телеграмма-молния с запросом относительно Соколовских. Уже вечером поступил ответ, о котором Григория Денисовича, отлучившегося к себе домой, известил курьер.

---

¹⁹ Такого эпитета от историографов удостоился император Александр I (царствовал в 1801-1825 гг.).

– Интересующие нас господа отбыли под надзором полный срок без каких-либо замечаний. В противозаконной деятельности не замечены. Затем переехали в Москву, – пересказал Всеволод Романович содержание полученной телеграммы.

– Откуда стало известно о Москве?

– От родителей. У них побывал наш сотрудник.

– Надо бы навести справки, живут ли они там по-прежнему и чем занимаются, – заметил Платонов.

– Завтра же наведем, запросим у Московского управления. Телеграф – превосходное изобретение, особенно для нашего брата. А пока не угодно ли в ресторан или кафе?

– Благодарю, но предложил бы в другой раз. Наглотался архивной пыли, так что с вашего позволения отлежусь, приду в себя.

– Как вам удобнее, – ничуть не обиделся подполковник.

Следующий утренний доклад министру двора был предельно кратким. Платонов не стал скрывать все «за» и «против». Пока зацепкой для него, по большому счету, являлась лишь фамилия братьев, перекликавшаяся с прозвищем безжалостного террориста.

– Исходя из того, что нам известно, этот Соколовский не похож на матерого преступника, тем более – главаря. Таких запутавшихся молодых людей хватает во всех группках и кружках, которыми занимается Третье отделение, – поде-

лился своими соображениями Адлерберг.

– Не стоит забывать, что таким он был шесть лет назад, – возразил Григорий Денисович.

– Но за шесть лет революционной деятельности ни разу не угодить в поле зрения политической полиции... Вы верите в то, что это возможно?

– Я верю в то, что возможно всё, что угодно. Люди извлекают уроки из приобретенного опыта.

По лицу министра читалось, что он хотел бы согласиться с Платоновым, однако предвидел возражения наверху.

– Вы считаете, Соколовский один, не привлекая внимания, постепенно собирал вокруг себя единомышленников и готовился к будущему выступлению?

– Он или тот, кого мы принимаем за него, не нуждался в десятках или сотнях последователей. У массовой подпольной организации век короткий, прежняя «Народная расправа» тому подтверждение. Об активности Нечаева Третье отделение знало еще до убийства Иванова, и переловить его адептов не составило труда. Малочисленность – не слабость, а козырь Кречета. А в одиночку он орудовал или за его спиной стоял кто-то, предстоит выяснить.

Выслушав коллежского советника, граф заглянул в свои записи.

– Я еду в Царское через полтора часа. Мы готовы ручаться перед государем, что раскроем и разгромим эту шайку до двадцать первого числа?

– У нас есть выбор?

– Выбора нет. Конечно, громы и молнии падут не только на нас с вами, и тем не менее, от этого не легче.

Григорий Денисович прекратил обозревать книжные шкафы с фолиантами и очень серьезно посмотрел на министра.

– Я прискорбно мало знаю о Соколовских. Следственные дела однобоки, по ним нельзя делать окончательные выводы. Прошу вас экстренно командировать меня во Владимир и Москву.

Граф Адлерберг недовольно нахмурился.

– Вы оставите Петербург в разгар событий?

– Те, кто отвечают за порядок и безопасность, сейчас предпринимают всё возможное. Едва ли моя отлучка скажется на их усилиях.

– Что ж, попытайте счастья.

Острое перо министра двора снова забегало по бумаге с водяными знаками и двуглавым орлом. Александр Владимирович, по своему обыкновению, набрасывал записку ко всем должностным лицам, в которой указывал на особые полномочия коллежского советника Платонова, а также необходимость оказывать ему всемерное содействие.

Прежде чем воспользоваться дарованными ему особыми полномочиями, Григорий Денисович побывал дома и сменил мундир на дорожный костюм. Небольшой чемодан с

вещами ждал его, заранее полностью упакованный. Извозчик на набережной Фонтанки объявился быстро, и через несколько минут пролетка с Платоновым катила в сторону Миллионной улицы.

В роскошном доме Рихтеров готовились к похоронам. Старший сын Михаила Карловича, поразительно похожий на него, вплоть до усов, мужчина лет тридцати, громогласно выразил недовольство появлением постороннего человека. Пришлось, не повышая тона, сослаться на министра и государственные интересы. Инцидент был исчерпан, и Григория Денисовича сопроводили к хозяину.

Еще через несколько минут он опять сел в пролетку, ждавшую перед подъездом, и назвал адрес Третьего отделения. Возле особняка Кочубея опять велел ждать и караулить багаж, презентовав извозчику разменную монету. У дежурного в голубом мундире спросил подполковника Левковича.

– А, Григорий Денисович! Добро пожаловать, – жандармский офицер, вышедший к нему, расплылся в улыбке.

– Ушла телеграмма в Москву?

– Прямо с утра, без задержки. Придется подождать, про место жительства должны скоро ответить.

– Николай Владимирович отдал какие-то распоряжения на этот счет?

– Как обычно, установить наблюдение. Проследим, куда ходят, с кем встречаются. Дальше будет видно.

– Мне остается попросить у вас прощения повторно, –

Платонов развел руками. – Обязательно встретимся в теплой обстановке, только теперь уже после моего возвращения.

– Куда же вы, если не секрет?

– Разве могут быть секреты от вас? Начну с Владимира, потом в Москве задержусь. Телеграфируйте мне, пожалуйста, до востребования, когда придет депеша. И, если не затруднит, предупредите своих коллег в губернских управлениях? Вдруг помощь понадобится...

– Можете на них положиться, – пообещал Левкович.

– Премного благодарен.

Начальник Николаевского вокзала, прочтя бумагу за подписью Адлерберга, незамедлительно выделил Григорию Денисовичу билет в вагон первого класса. Спустя час курьерский поезд мчал неприметного коллежского советника на юго-восток.

В свой замысел Кречет посвятил его незадолго до выезда на Новую Исаакиевскую. Конечно, Медведь давным-давно понял, что революция для каждого из них – это путь в один конец, но Надежду на миг стало жаль. Эту кличку она выбрала себе сама, когда пришла к ним. Тогда, говоря начистоту, создалось впечатление, что пользы от взбалмошной девицы не жди. Вскоре он понял свою ошибку. Если бы не деньги, вырученные от продажи ее побрякушек, еще неизвестно, смогли бы они дотянуть до нынешнего момента или нет.

Надежда так рвалась в бой, что Кречету приходилось

осаживать ее. Во вторник, когда они все вместе собрались на даче в Парголово (дача тоже была ее отца), ему, Медведю, на пару с Греком перепало немного критики за Малую Мещанскую. Дескать, место нашли так себе, напоролись на каких-то людей. Раньше, будучи помоложе, Медведь вспыхнул бы, как сухой хворост. Теперь же спокойно ответил: «Ну, извини. Исправимся». Место было как место. Он сам чуть не снял комнату в том доме, когда вернулся в Питер в октябре.

«Успеете исправиться, да», – сказал Кречет и ухмыльнулся. Вообще, встреча прошла на удивление тихо. Главная акция приближалась, заставляя отрешиться от лишней суеты. О том, какая и кому отводится роль, Кречет пообещал рассказать после дела с ювелирной лавкой. Не идти на это дело было никак невозможно: и старая кубышка закончилась, и от нового запаса наличности оставались суищие гроши. Хорошо, что большую часть должны были взять в виде золота, серебра и камушков – их примут везде, обменяют на монеты и ассигнации.

На богатство Медведь был не падок. Батюшка преподавал в Калужской духовной семинарии, но почтение к церкви ему не привил. За ее пыльным фасадом Медведь не различал внимания к отдельному маленькому человеку, только материальную подоплеку и фальшь. Поэтому в отрочестве, когда запоем читал исторические книжки, симпатизировал духовным подвижникам, нестяжателям, был потрясен му-

жеством протопопа Аввакума. А потом, открыв для себя в старших классах гимназии запрещенных теоретиков социализма, совсем отвернулся от веры.

В семье не препятствовали его поступлению в университет. Что ж, и на том спасибо. Учась на юриста, он вступил в тайное общество и обрел истинного вождя. Тогда ему всё стало ясно с дальнейшей жизнью, Медведь полностью утвердился в стремлении снести это царство лжи до основания. Годы после разгрома, находясь под надзором полиции, посвятил работе над собой. Укреплял тело через физические упражнения, с мужиками в деревне сеял и убирал урожай, освоил столярное ремесло, научился обращаться с лошадьми. Заодно уяснил, что от дикого и темного народа ждать нечего. Только самоотверженные герои разожгут очистительный пожар.

Экспедиция в Сербию добровольцем была вовсе не ради каких-то братьев-славян. Медведь решил испытать себя по-настоящему, без шуточек, пройти своего рода крещение огнем и мечом. Пяти месяцев под знаменами генерала Черняева²⁰ хватило за глаза. Пыль, грязь, вечное чувство голода в животе, тяжесть, натертые ноги... Хорошо, что не сложил голову в чужих горах чёрт знает, за чью выгоду. Загорел буквально по-эфиопски и привез оттуда турецкий кин-

---

²⁰ Михаил Григорьевич Черняев – генерал-лейтенант, покоритель Ташкента. Будучи в отставке, принял назначение главнокомандующим армией Сербии в 1876 г. в войне против Турции. Это событие вызвало приток русских добровольцев на Балканы.

жал, который пригодился против чиновника.

Этим клинком он угрожал ему, когда вытрясали из Владыкина собственноручное письменное признание в развратной связи с малолетними. Ну, и вертелся же он и скулил... В арке Медведь исполнил всё гладко, напрасно Кречет стыдил его при товарищах. Четким движением зашел советнику за спину и всадил кинжал по самую рукоять. Кто мог предугадать появление тех олухов? Будь там один свидетель, он и его отправил бы на тот свет, но связываться с двумя поостерегся.

Когда брали лавку, Кречет поручил ему стоять снаружи, сторожить вход. Уже после, на безопасном расстоянии от нее, он признался Медведю, что новый «Смит-и-Вессон» дал осечку после третьего выстрела. Медведь злорадствовать не стал, вошел в положение. С кем угодное может казус приключиться. Пускай выживет тот продавец, ничего страшного. Эх, если б всё-таки можно было пощадить Надежду... Хватит, бесполезно вспоминать.

Что гласит «Катехизис революционера»²¹? «Все нежные чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодной страстью революционного дела». Точнее не скажешь. Прав Кречет, и он по праву первый среди равных. Ему доверено осуществить план... Всё продумано, даже этот косматый парик с бородой, как у Ивана Сусанина. Конечно, кожа че-

---

²¹ Устав «Народной расправы», сочиненный Нечаевым в 1869 г.

шется под ними адски, зато маскировка отменная.

Глава седьмая

В прошлое и обратно

– Да-с, не имею желаний знать, чем заняты и где, – отрезал статский советник Василий Семёнович Соколовский.

Диалог с ним не складывался. Председатель Владимирской казенной губернской палаты был до глубины души уязвлен недавним визитом жандармского офицера и принял Платонова холодно. Ноздри его мясистого, крупного носа трепетали от негодования. Весь он, тоже крупный и мясистый, с благородными сединами и, невзирая на душноватый воскресный день, в наглухо застегнутом мундире, казалось, был готов обрушиться на узкоплечего Григория Денисовича своей начальственной громадой, притом не исключено, что в прямом смысле – только статус собеседника не позволял.

Платонов прибыл к нему с поезда, не заселяясь в гостиницу или на постоялый двор. Он решил, что достаточно отдохнул в вагоне. Соколовский даже не предложил коллежскому советнику сесть и промочить горло и, вообще, с первых слов дал понять, что терпит его лишь по причине уважения к министру императорского двора.

– Вы не поддерживали с ними переписку? – безмятежно продолжил Григорий Денисович.

– Нет, милостивый государь. Не считал нужным.

О том, что Николай и Дмитрий Соколовские съехали с московской квартиры еще в минувшем сентябре и больше в старой столице не объявлялись, Платонов узнал утром, из телеграммы до востребования. Ради нее он специально завернул на Мясницкую перед тем, как для продолжения путешествия устремиться на Нижегородский вокзал.

Покинув почтамт, Григорий Денисович не сразу сел в экипаж, а постоял несколько минут в раздумьях. Его ответная телеграмма Левковичу содержала просьбу выяснить, не живут ли братья или хотя бы один из них в Петербурге. Он понимал, что сделать это, возможно, стоило раньше, и мысленно упрекнул себя за упущение.

– Скажите, пожалуйста, а планами на жизнь сыновья с вами когда-нибудь делились? Я имею в виду, во взрослом возрасте, уже после... э-э... расставания с университетом?

Статский советник дернул плечами, будто форменный сюртук был ему тесен. Даже такое аккуратное упоминание о скандальном отчислении он наверняка воспринял как плохо завуалированное оскорбление. Умаление чести, излагая несколько архаичным штилем.

– Планы они сами составили-с, без моего ведома. Я остерегал и предупреждал о последствиях. Как вы понимаете, тщетно.

– Что же их к Нечаеву привело? – спросил Платонов за просто, без тени официоза.

– Этого не могу знать, – скривил рот Соколовский. – Распущенные нравы, вероятно.

– Нравы?

– А что еще? Берутся рассуждать о том, о чем понятия не имеют! Мальчишки, наглецы!

В представлении Василия Семёновича его сыновья, успевшие дожить, соответственно, до двадцати девяти и двадцати семи лет, оставались всё теми же мальчишками, которых он страдал и остерегал от дурных компаний. Интересно, они так же стояли перед ним, как ходоки перед капитаном-исправником?

– Им следовало пойти по военной части, – чуть остыв, уже не так высокомерно дополнил отец несостоявшихся членов «Народной расправы». – Я сам готовился поступать в Главное инженерное училище, но в интересах семьи переменил решение.

– Я окончил его офицерское отделение, – скромно заметил Григорий Денисович.

Изумлению статского советника не было предела.

– Как же министерство двора?

– Уволился из армии после Парижского мира²².

Повисла продолжительная пауза. Ее прервал Василий Семёнович, кашлянув.

– Видите ли, меня ожидают в обществе...

---

²² Парижский мирный договор 18 марта 1856 г. подвел черту под Крымской войной.

– Конечно, не смею задерживать, – Платонов коснулся шляпы-котелка.

Сидя в извозничьей пролетке, он наблюдал, как от дома Соколовских трогался экипаж, запряженный парой гнедых, с щегольски наряженным кучером на козлах. Дом был большой, капитальный, из красного кирпича. Во дворе, за кованой оградой, росли высокие каштаны и ухоженные кусты сирени. Провинциальный чиновник в ранге вице-губернатора жил на широкую ногу.

– Подожди-ка еще, любезный, – сказал Григорий Денисович, слезая с подножки.

Воскресным вечером в губернском жандармском управлении на пологом спуске у Клязьмы был один адъютант с унтер-офицером в придачу. О возможном визите Платонова он знал и, после предъявления коллежским советником всех верительных грамот, ознакомил его со свежей служебной депешей. Левкович телеграфировал, что братья Соколовские действительно проживали по 5 января 1877 года в Петербурге, в меблированных комнатах на Гончарной улице, в которые заселились в середине сентября, вскоре после отъезда из Москвы. Выписавшись оттуда, они с тех пор не отдавали свои паспорта для регистрации ни одному из столичных домохозяев. Место их нахождения, как и род деятельности, в настоящее время было неизвестно.

– В котором часу ближайший поезд до Москвы? – спросил

Платонов у адъютанта.

– Без четверти девять, проходящий из Нижнего, – без запинки ответил тот. – Но с местами может быть туго.

– За это не волнуйтесь.

Времени хватало как раз, чтобы позаботиться о билете и воздать должное вокзальному буфету. Расстояния в полусонном Владимире были гораздо меньше питерских, так что извозчик, не торопясь, доставил Григория Денисовича с багажом минут за пятнадцать. Записка от министра продолжала действовать, и, устроившись в купе, можно было без помех продолжать размышления.

Повторный визит Платонова к Соколовским несколько не удивил прислугу. Вручив ей визитку, он прождал сущую малость. Супруга Василия Семёновича, невысокая сухонькая женщина, на вид ровесница мужа, одетая неброско и слегка старомодно, после обмена приветствиями глядела на него с выражением плохо сдерживаемой тревоги на лице.

– Я полагаю, вы общаетесь с сыновьями...

Платонов сознательно не закончил фразу. Расчет был верным: тревога будто выплеснулась из ярко-голубых глаз.

– Что случилось?

– Ровным счетом ничего, сударыня. Делиться всеми подробностями не имею права. Скажу только, что проверяю их предполагаемую связь с одним человеком.

– Вы в самом деле из министерства двора?

– Слово дворянина.

Ольга Матвеевна жестом пригласила его сесть на миниатюрный диванчик в гостиной, сама опустилась на краешек стула.

– Они пишут вам?

– Митя писал, нечасто.

Письма от Дмитрия, как выяснилось, приходили где-то раз в полтора-два месяца, с московским штемпелем на конвертах. Были они краткими, очень похожими друг на друга. Судя по ним, жизнь братьев текла довольно однообразно. Оба, как репетиторы, давали частные уроки состоятельным студентам, Дмитрий также подрабатывал переписыванием бумаг у какого-то присяжного поверенного. Занимался ли чем-то еще Николай, мать не знала.

Отношения сыновей с отцом после суда над «Народной расправой» были разрушены напрочь. За все три года, пока Николай и Дмитрий пребывали под надзором, нормального разговора с Василием Семёновичем у них не случилось ни разу. Живя под родительской крышей, молодые люди, кажется, ни с кем во Владимире не водили дружбы – во всяком случае, точно никого не приводили в гости. Занимались самообразованием, готовясь продолжить учебу.

– Почему им отказали в восстановлении? – спросил Григорий Денисович.

– Могу только догадываться, – сказала Ольга Матвеевна.

– Из-за Нечаева?

– Никто не говорил прямо. Но, думаю, просто решили не

связываться с неблагонадежными.

Переписка надолго прервалась в конце августа 1876-го. Следующее и последнее письмо пришло перед Рождеством, из Петербурга. Младший сын был еще лаконичнее, чем обычно. Сообщил, что живы-здоровы, ни в чем не нуждаются, желают того же. Больше ничего о себе, даже с грядущим светлым праздником не поздравил.

– Приезжали хоть иногда из Москвы, навещали вас?

– Нет.

Тягостная атмосфера беседы чем-то напомнила коллежскому советнику осиротевший дом Владыкиных.

– Ольга Матвеевна, вы помогали им деньгами?

Соколовская ответила неохотно, словно стыдясь:

– Очень мало.

– Василий Семёнович был против?

– Да. Он даже обещал лишить их наследства. Так и сказал:

«Если не отрекутся от своих штучек».

– Разве они... э-э... не отреклись?

Вопрос Платонова, заданный в простодушной манере, был встречен горьким взглядом и молчанием.

– Не могу поверить, что они нарушили закон, – наконец призналась Ольга Матвеевна.

– А если вдруг нарушат?

– Тогда и я отрекусь.

«Это вряд ли», – мысленно заключил Григорий Денисович, вслух же выдал другое:

– Дмитрий, наверное, очень похож на вас?

– Характером да, ну а внешностью они в отца, – чуть улыбнулась Соколовская, обрадовавшись новой, безобидной теме. – Только у старшего глаза мои. Копия, все так говорят.

Разница в возрасте была слишком велика, чтобы они стали приятелями, тем более друзьями. Семь лет не шутка. Георгий, к тому же, отличался от Григория во всём: ростом превзошел отца, полковника от инфантерии, служившего под началом Паскевича на Кавказе и в Польше, быстро окреп и стал настоящим силачом, а к военному делу с детства проявлял неподдельную страсть. Мундир шел ему, как родной. Когда его произвели в первый чин, он смело мог считаться образцом молодого русского офицера. В семье были без ума от Георгия.

Григорию не досталось и половины... что там половины, и трети того обожания, которым был окружен старший брат. Тот будто разом забрал себе и силу, и статью, и красоту. Даже имя ему досталось в честь славного деда – генерала, ветерана наполеоновских войн, раненого в «Битве народов» под Лейпцигом. С младшим из детей, родившимся позже сестры Татьяны, особых ожиданий Платоновы не связывали. Денис Георгиевич, который по состоянию здоровья вышел в отставку в 1848 году, прочил ему гражданскую стезю.

Будущий коллежский советник рос как бы в тени. Любил наблюдать за мелким зверьем и птицами в полях и рощах под

Коломной, подолгу сидеть на берегу Оки, совершать дальние прогулки, очень рано пристрастился к чтению. Выдающегося деда он видел лишь однажды, вдвоем с матерью навестив его в Москве, в особнячке на Воздвиженке. В свои семьдесят два Георгий Алексеевич уже еле слышал, что ему рассказывали, только внимательно смотрел на внука светло-серыми глазами. Тихий и щуплый мальчик оробел перед легендарным предком.

– Семь лет? – чересчур громко, как бывает свойственно глуховатым людям, спросил генерал.

– Семь, семь, – закивала мать.

– Далеко пойдет, далеко.

Естественно, дедовское заключение всерьез не восприняли, списав на возраст и болезни. Далеко пошел Георгий, во время похода в Венгрию в 1849-м уже командовавший ротой. Григорий же всех потряс, заявив, что намерен твердо следовать семейной традиции. Когда брат усмирял революцию во владениях Габсбургов, он проходил насыщенный курс наук в петербургском Михайловском замке. Дома были уверены, что странная блажь скоро выветрится из его головы, однако Платонов-младший окончил кондукторское отделение с отличием и продолжил учебу на офицерском.

Бывшее обиталище императора Павла он затем вспоминал частенько. Переход от домашнего быта к казарменному был тяжек. В стенах замка его окружали совсем другие люди – не те, к которым Григорий привык в предыдущей жизни.

ни. Они проще, чем Платонов, принимали строго регламентированные порядки закрытого заведения, а отвести душу предпочитали путем незатейливых, порой грубых розыгрышей и каверз. Особенно в тягость ему были строевые занятия. Первые три года, пока не дозволялось перейти на городскую квартиру, он терпел, упрямо твердя себе, что не отступит, пока не нагонит брата.

Вот и сейчас, под мерное покачивание вагона, навеянное общением с Соколовскими, в нем опять заговорило прошлое.

«Всё вокруг да около, вокруг да около», – про себя то и дело приговаривал Платонов, в восьмом часу утра в понедельник высаживаясь из поезда в Москве. Остановившись в хорошей, но не шикарной гостинице «Европа» на Тверской, наскоро приведя себя в порядок и позавтракав, он в половине одиннадцатого уже подходил к зданию университета на Моховой улице. Профессор Веденеев, как ему подсказали при входе, преподавал на естественном отделении физико-математического факультета.

Коллежскому советнику повезло: Максим Степанович еще не отбыл на лекцию по неорганической химии. О его специализации Платонов узнал только сейчас, поскольку Ольга Матвеевна ранее слыхала только фамилию ученого, о котором с уважением отзывался ее сын Николай. Сам облик профессора подтверждал, что это человек равнодушно-

ный. Веденееву давно перевалило за шестьдесят, но от его долговязой фигуры в куцем сюртуке так и веяло энергией. Пожалуй, он никогда не сидел сиднем. Длинные, худые руки жестикулировали, седые кустистые брови то вздымались, то опускались, а живой взгляд из-под круглых очков оставался ясным, как у ребенка.

Григорий Денисович успел оценить внешность и стиль профессора, пока тот, используя мудреные термины, горячо втолковывал что-то совсем зеленому юноше с учебником подмышкой – видимо, первокурснику или вольнослушателю. Когда гость из Петербурга назвал себя и обозначил цель визита, Веденеев еще более оживился.

– Как я могу не помнить Соколовского? Превосходный студент, очень одаренный!

Для него Николай, казалось, тоже застрял в возрасте чуть за двадцать. Время для профессора, судя по всему, текло по-своему.

– Вы с тех пор его не видели? После отчисления?

– Постоянно видел. Он пришел сам, вызвался помогать мне в лаборатории, причем совершенно бесплатно.

Платонов машинально потянулся к переносице.

– Давно вызвался?

Максим Степанович небыстро переносился из мира чистой науки в календарные реалии.

– Знаете, уже больше двух лет назад... Определенно больше, – он сам будто удивился названному сроку.

– А перестал в сентябре прошлого года?

– Как вы догадались?

– Он покинул Москву, – сказал Григорий Денисович, не вдаваясь в подробности.

– Жаль... Даже не попрощался, – искренне огорчился Веденеев. – С ним всё в порядке?

– Надеюсь. Расскажите мне еще вот что, – Платонов проникновенно посмотрел на профессора, – каковы научные интересы Николая? Вернее, так: что из научных знаний его особенно привлекало в практическом смысле?

– Возможности использования новейших достижений химии в строительстве: при прокладке дорог, туннелей, каналов, – с воодушевлением ответил Максим Степанович. – Сейчас в этой области открываются невероятные перспективы, которые два десятка лет назад трудно было себе представить.

Коллежский советник уже понимал, каким будет следующий ответ, но всё равно спросил:

– Что вы имеете в виду?

– Взрывные работы, конечно.

При расставании, очевидно, что-то уловив в истинном настроении Григория Денисовича, мэтр задумчиво прибавил:

– По-моему, Николай – натура увлекающаяся. Я помню его с первых дней учебы. Он вспыхивает, если видит достойную цель, и готов всего себя посвятить ее достижению.

Около почтамта на Мясницкой, куда Платонов подъехал после университета, какие-то элегантно одетые господа восторгались подрывом турецкого монитора «Сейфи» миноносными шлюпками под командой капитан-лейтенанта Дубасова. Из их бурных восклицаний он понял, что император награждает героев-моряков, захвативших неприятельский флаг.

Григорию Денисовичу понадобилось совсем немного времени для составления телеграммы-молнии на имя министра двора. В ней, кроме его фамилии, было только одно слово: «Они».

Глава восьмая

Ощущения и чувства

Подполковник Левкович потер ладонью о ладонь, как в предвкушении большого куша. Его глаза также выдавали охотничий азарт.

– Пока вы путешествовали, Григорий Денисович, и мы без дела не сидели. Взяли след еще одного субъекта из шайки Кречета.

– Кто таков?

– С этим сложнее. Рассчитываем на вашего чудо-художника, срочно нужен портрет.

– Расскажите, пожалуйста, по порядку, – попросил Платонов.

Вторник, 17 мая, начинался для коллежского советника с новостей. Послав телеграмму графу Адлербергу, он выселился из «Европы» и первым же поездом вернулся в Петербург. Его дневная встреча с Всеволодом Романовичем проходила в Третьем отделении. В коридорах здания на Фонтанке было заметно оживление, объяснявшееся тем, что Николая и Дмитрия Соколовских объявили в розыск. Их делу шеф жандармов теперь придавал первоочередную важность.

След обозначился на 8-й линии Васильевского острова, в

доходном доме Гёдике. Там, в одной из квартир второго этажа, по воскресеньям собирался кружок. Его завсегда и, в основном молодежь, обсуждали текущие события, делились впечатлениями от прочитанных новинок передовой литературы, до хрипоты спорили о социализме и анархизме. Агент, исправно посещавший все заседания, благодаря фотокарточке опознал погибшую Елену Рихтер. По его словам, она ходила туда вместе с молодым человеком.

– Само по себе это ничего не доказывает, – сказал Григорий Денисович. – Мимолетная интрижка, простое приятельство... мало ли, кем он мог быть. Давно их видел ваш человек?

– Давненько, – сознался Левкович, – до беспорядков у Казанского²³.

– Ну и память у него!

– Один из лучших осведомителей. Побольше бы таких...

– Можно с ним побеседовать?

Жандарм отвел глаза.

– Прошу понять правильно, у нас есть свои запреты. С этим лицом связывается только заведующий агентурной частью, и мы никогда не вызываем его сюда.

В голосе Платонова прорезались жесткие нотки.

– Явлюсь, куда укажете, Всеволод Романович. Но если бу-

---

²³ Оппозиционная демонстрация на Казанской площади в Санкт-Петербурге состоялась 6 декабря 1876 г., 18 ее участников были приговорены к разным срокам каторжных работ, ссылке на поселение в Сибирь и другим видам наказания.

дем друг от друга важные сведения прятать, террористов не схватим.

– Уверяю вас, всё важное отражено в отчете.

– Отчет я тоже почитаю. Перед беседой.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Потом Левкович моргнул и, уступая, сказал:

– Попробую уговорить Николая Владимировича. Только никуда не отлучайтесь, подождите в моем кабинете.

Одному из лучших осведомителей было чуть за двадцать. Внешность он имел, действительно, подходящую для тайной работы на политическую полицию – всю какую-то невыдающуюся и невыразительную, начиная от совсем ординарного, плоского лица без усов и бороды, с едва заметными бровями и приплюснутым носом, и заканчивая комплекцией, не крупной и не мелкой. Такой облик, по мнению Платонова, очень подошел бы филеру наружного наблюдения.

Квартира на Витебской улице, которую снимало Третье отделение для своих нужд, имела что-то общее с агентом: не большая и не маленькая, не богатая и не бедная. Внутри было чисто и прибрано, как в келье. Кто в ней жил для прикрытия, Григорию Денисовичу не довелось узнать. Вдвоем с жандармом в штатском они зашли с черного хода и расположились в кухне, за пустым обеденным столом со скатертью. Агент был впущен после условного стука. Поклонившись обоим, он замер в ожидании указаний.

– Поговорить хотят, по делу о Новой Исаакиевской, – не представив Платонова, строго сказал заведующий агентурной частью. – Давай, садись на мое место.

После этих слов он встал и вышел в прихожую, притворив за собою дверь.

– Елену Рихтер когда впервые увидели? – Григорий Денисович, беря с заведующего пример, не стал тратить время на церемонии.

– В конце сентября. Я в отчете указал-с, – ответил с готовностью агент, который, кажется, принял его за высокое начальство, явившееся инкогнито.

– А ее приятеля?

– Через две недели. В тот раз без нее пришел.

– Они в кружке познакомились?

– Так точно.

– Его имя Борис – настоящее?

– Извольте видеть, там народ по-всякому себя называет: и настоящими именами, и вымышленными. Проверить не всегда есть возможность.

Осведомитель преданно смотрел на Григория Денисовича и, пожалуй, не лицемерил. Свои теневые обязанности он выполнял не спуская рукава, об этом наглядно свидетельствовал отчет, подготовленный со старанием и вкусом. «Мог бы в писательство податься», – подумал при чтении его опуса коллежский советник. Живое впечатление от человека подтверждало первоначальный вывод.

– Почему решили, что между ними какие-то чувства?

– О, это всегда видно, – агент издал короткий смешок, прозвучавший вдруг совершенно по-стариковски.

– Что же именно видно?

– Я по глазам определяю. Глаза не обманут.

– Любовь, думаете?

– Он с обожанием на нее глядел, будто жизнь готов положить. Рыцарь печального образа, да и только.

В отчетах запрещалось разводить лирику, и сейчас безымянный собеседник Платонова явно отыгрывался за вынужденное творческое молчание.

– Хорошо, – кивнул Григорий Денисович. – Куда они потом пропали?

– Этого тоже не знаю, но могу предположить-с, – скороговоркой сказал агент.

– Попробуйте.

– После демонстрации у Казанского, когда начались аресты, половину кружка как ветром сдуло. Я тогда подумал, что и наша парочка решила пересидеть или совсем сбежала.

– Вы написали про Бориса: «возможно, студент». Почему? – сменил тему Григорий Денисович.

– Он ни разу не упоминал, что учится. Но, знаете, ощущалось.

– Ощущалось, значит... Тоже учитесь?

Юноша с плоским лицом сконфузился. «Им нельзя рассказывать о себе посторонним, даже в такой ситуации», –

вспомнил Григорий Денисович.

– В осведомители зачем пошли? – спросил он.

– Хотел послужить Отечеству. А еще интересно, конечно.

– Людей изучаете?

– Да, вы верно подметили-с.

– Как только всё помните про каждого из кружка... – про-
изнес Платонов то ли с удивлением, то ли с восхищением.

– Я записываю подробно, ничего не упускаю.

– Не опасно ли? Вдруг найдут?

– Нет, не страшно, – агент самодовольно ухмыльнулся. –

Тетрадь вроде дневника, сугубо личного. Про себя, свои переживания, революцию... ну, и про людей интересных, как бы мимолетные впечатления. Даже если кто прочтет, вряд ли худое заподозрит.

Ничего не говоря, Григорий Денисович вытащил из внутреннего кармана сюртука сложенный портрет Кречета, развернул на столе.

– Этого господина случайно не знаете?

Агент разглядывал рисунок долго и тщательно, разглаживал его на сгибах короткими пальцами. Из прихожей потянуло запахом табака: жандарм, не утерпев, закурил.

– Знаю. Тоже у нас бывал, – ответил он, когда Платонов уже собрался заканчивать.

– Простите, Александр Владимирович, но я за своих людей ручаюсь! – безапелляционно заявил шеф жандармов Ме-

зенцов.

В таком разгневанном состоянии он еще не являлся к министру двора – по крайней мере, при Платонове. Причина гнева лежала на краю стола. Номер «Петербургского листка», вышедший в среду, 18 мая, извещал читателей о новых деталях вооруженного ограбления на Новой Исаакиевской улице. Подписавшийся инициалами журналист в леденящих душу выражениях повествовал, как неизвестный грабитель в маске застрелил свою сообщницу, а та перед смертью умоляла пощадить ее.

– Быть может, проговорился кто-то из полиции? – выдвинул предположение Адлерберг.

– Там клянутся, что хранили всё в тайне, с газетчиками больше не общались. Я вынужден спросить, не произошло ли утечки из вашего министерства?

– Иными словами, из моего кабинета?

– Разумеется, я не имею в виду вас лично... – Мезенцов намеренно сделал паузу.

– Вы имеете в виду меня, ваше превосходительство? – вежливо спросил Григорий Денисович.

– Если угодно, да.

– Николай Владимирович, это уж слишком, – вмешался министр. – Коллежскому советнику Платонову я полностью доверяю. Он служил еще у моего брата²⁴, а потом у отца²⁵.

---

²⁴ Николай Владимирович Адлерберг – генерал от инфантерии, младший брат А.В. Адлерберга. Во время Крымской кампании (1854-1856 гг.) военный губер-

Не было ни одного повода усомниться в его честности и надежности.

Шеф жандармов развел руками.

– Не имел намерения оскорбить кого-либо из присутствующих. Что ж, редактором газеты придется заняться лично, хотя это еще один скандал. Придется пережить.

– А надо ли заниматься, Николай Владимирович?

На реплику министра Мезенцов отреагировал удивленным взглядом.

– Мне кажется, – продолжил свою мысль Адлерберг, – мы могли бы воспользоваться моментом. Раз газета предлагает всем, кто знает другие подробности дела, прийти за вознаграждение в редакцию, пусть приходят.

– Желаете таким образом выяснить, кто еще не стоек в наших рядах?

– Нет, выманить этого Бориса... или как его зовут на самом деле.

Мезенцов скептически поморщился.

– Слабенькая надежда. Они годами копили в себе ненависть...

– Студент, который представлялся Борисом, точно не копил ее годами. Если агент прав, у него были романтические чувства к Елене. Возможно, он дрогнет, – подал голос Пла-

---

натор Симферополя и гражданский губернатор Таврической губернии.

²⁵ Владимир Федорович Адлерберг – генерал от инфантерии, генерал-адъютант, министр императорского двора и уделов в 1852-1870 гг. Был близким другом императора Николая I.

ТОНОВ.

– Только, ради всего святого, не устанавливайте слежку за редакцией, – добавил Адлерберг. – Заметит ее, и всё пропало.

– Время уходит, – напомнил шеф жандармов.

– Рискнем под мою ответственность, Николай Владимирович.

Когда Мезенцов, нервно теребя пуговицу на мундире, удалился, министр двора укоризненно посмотрел на Григория Денисовича.

– Мне кажется, мы могли бы не разыгрывать спектакль.

– Пусть грех будет на мне. Я всерьез боюсь этих людей, в них будто сам Нечаев вселился. Кто знает, с кем поделится Николай Владимирович или его помощник? Они Владыкина заставили плясать под свою дудку.

– Григорий Денисович, не перебарщивайте.

– Нечаев отводил Петербургу важное место в своих планах. Он долго пробыл здесь до истории с убийством и эмиграцией, обзаводился разными связями. Давайте только мы с вами будем в курсе всего по «делу Кречета». Хотя бы пока, – Платонов старался быть максимально убедительным.

Министр двора повертел в руках «Петербургский листок», бросил его в свободное кресло.

– Чудо-агент больше ничего не вспомнил?

– Только то, что Кречет назывался Трофимом и говорил редко, в основном слушал. Наведывался в кружок трижды, в

ноябре и самом начале декабря – пятого числа.

– И это у него записано?

– Как и всё, что могло иметь малейшую ценность.

– Страшноватый человек.

– Действительно страшноватый, – согласился Платонов.

В указанное время, с четырех до семи часов пополудни, в редакцию «Листка» никто не пришел. Поблагодарив редактора Павла Алексеевича Зарубина, своего давнего знакомого, за оказанное содействие, Григорий Денисович поймал извозчика и поспешил на другой берег Невы. Там, у пересечения Большого проспекта с Гатчинской улицей, в крытом экипаже его ожидал человек с веснушками. Негласный помощник, опять прибегнув к переодеванию, успешно принял вид купца средней руки, который по торговым своим делам пожаловал в столицу.

Петербургская сторона разительно отличалась от центра. Здесь только недавно был снят запрет на каменное строительство, поэтому как на проспекте, так и в прилежавших к нему кварталах абсолютно преобладали низкие деревянные дома и домишки. Сходство с провинциальным городком придавали сады, огороды и палисадники за дощатыми заборчиками. Обитал в домах с домишками незavidный люд. В его числе доживали свой век мелкие отставные чиновники, которые даже в лучшие времена не имели за душой ничего, кроме скудного жалованья.

Кое-кто из них умудрялся сдавать комнаты внаем еще более непритязательным жильцам. Такой жилец, а точнее жилища как интересовала Платонова. Его «молодцы» заступили на пост еще перед поездкой коллежского советника во Владимир и Москву.

– Что-нибудь есть? – после приветствия спросил Григорий Денисович.

Веснушчатый отрицательно помотал головой.

– Живет, как все. Клиентов принимает, шьет, в лавку ходит.

– А клиенты откуда?

– Местные. Мы проверяли, на нашу братию никто не похож.

– Письма получает?

– Пока ни разу.

– Ладно, продолжайте.

Пересев обратно на извозчика, Платонов назвал ему адрес на Невском, у Зеленого моста. В кондитерской Вольфа и Беранже для коллежского советника был заказан столик рядом с огромным, почти до пола, окном. Григорий Денисович успел вовремя. Едва он взял в руки в меню, показался Левкович. Жандармский подполковник не стал эпатировать посетителей голубым мундиром, по случаю скромного товарищеского застолья выбрав классический вечерний наряд – черную пиджачную пару, белую рубашку со стоячим воротничком и черный галстук.

– Дела наши в настоящее время как сажа бела, – резюмировал Всеволод Романович, вслед за Платоновым заказав кофе по-восточному и пирожное эклер (название «по-турецки», исходя из патриотически соображений, теперь не использовалось).

От алкоголя Григорий Денисович предложил воздержаться. Выбор заведения он объяснил так: «Балую себя иногда. Сладкое полезно для мозга».

– Ваша работа с кружком ничего не дала?

– Допросили всех – и бывших, и нынешних. Бориса помнят еще несколько человек, но кто привел его в кружок, неизвестно. То же с Кречетом.

– Наверняка кто-то знает, но не скажет, – заметил Платонов.

– Отвратительная публика, – кивнул Левкович. – Через одного ведут себя дерзко. Видно, что ни в ком нет уважения к власти. Один заявил в лицо следователю: мол, вас бы на войну отправить, чтобы там пользу приносили.

– Да, подросла молодежь...

– Только ума не набралась! Заладили про землю и волю, а знают, что с землей делать? Вот я точно знаю, наш род из помещиков Киевской губернии. Когда и что сеять, когда и как убирать – хоть сейчас доложу.

– Желают рай земной учредить сейчас же, только праведников среди людей маловато, – Григорий Денисович надкусил пирожное. – Справедливости им подавай.

Всеволод Романович фыркнул, чуть не разбрызгав кофе на белоснежную рубашку.

– Сначала пусть попробуют послужить, добиться чего-то. Нам с вами чины и звания не в подарок достались.

– Положим, мне еще родительское имение досталось, – задумчиво вымолвил Платонов, берясь за чашку.

– О, так вы еще и землевладелец?

– Имением управляющий занимается, доходы пополам делим с вдовой моего брата... Да, еще пару слов о всеобщей справедливости. Жизнь на глазах меняется, одни состояния сколачивают, другие нищают. Много соблазнов и много обид, всего не исправить по мановению руки. Но молодость горяча, не признаёт постепенности. А фанатики, негодяи этим пользуются.

– Нет у нас времени ждать, пока всё само уляжется, – возразил подполковник. – В прежнее царствование таких горячих на каторгу или в солдаты отдали бы.

– За одни разговоры?

– Они от разговоров к убийствам перешли, сами видите.

– Ну, только некоторые перешли, счет пока на единицы, – Григорий Денисович не спешил разделить рвение Левковича.

– Помилуйте, нам ждать, пока все перейдут?

– Только ожесточим тюрьмой да каторгой.

– Оттуда не дотянутся, – Всеволод Романович отправил в рот половину эклера, показав ровные, крепкие зубы.

Платонов, не спеша с ответом, глядел на него так, будто размышлял о чем-то далеком от политики.

– Найдутся охотники продолжить, не сомневайтесь, – сказал он наконец.

– Что же вы предлагаете, Григорий Денисович?

– Еще лучше работать, конечно.

Оба прервались на минуту ради отменно сваренного кофе.

– Государь с наследником уедут в субботу. Только бы ничего не стряслось за это время, – негромко, но с чувством произнес Левкович.

– Портрет Бориса готов?

– Вызвали агента, сейчас рисуют. Завтра снимут фотокопии, раздадим филерам и дворцовой охране.

Григорий Денисович вздохнул.

– Нам повезло дважды. В первый раз, когда убийца не успел обшарить карманы Владыкина, и полиции досталась бумажка с «Кречетом». Во второй раз, когда револьвер Соколовского дал осечку. В троекратное везение верится слабо. Ставки высоки, террористы могут проявить осторожность и прибегнуть к маскировке.

Жандарм снова приложился к чашке, потом спросил о другом:

– Любите бывать здесь?

– Люблю, – ответил Платонов. – В этой кондитерской Пушкин сживал.

– Пушкин – это истинное светило, гений нашей словесности, – с жаром подхватил Всеволод Романович. – Помните «Клеветникам России»?

Он не удержался и продекламировал:

Иль русского царя уже бессильно слово?

Иль нам с Европой спорить ново?

Иль русский от побед отвык?

– Мне больше нравятся «Борис Годунов» и «Капитанская дочка», – сказал коллежский советник.

Греком его прозвал брат Николай еще на первом курсе университета – за пристрастие к трудам античных мыслителей. Собственно, только одним курсом обучение на философском факультете и ограничилось. Потом за ними обоими пришли жандармы. Для брата такой поворот событий не стал совершенно неожиданным: он был предупрежден, что петля вокруг «Народной расправы» затягивается. Но Дмитрий подсознательно отказывался верить в подобный исход.

Старший не напрасно взял себе прозвище «Кречет». Он с детства был отчаянно смелым, отказывался отступить и, тем более, сдаваться. А после памятного случая возле соседского дома сделался для младшего непререкаемым авторитетом.

Ему тогда только-только исполнилось двенадцать, и он панически боялся купеческого сынка Фимку Лапина по кличке «Лапа». К пятнадцати годам тот вымахал со взрослого мужика, отрастив здоровенные ручищи и кулачищи, посредством которых держал в страхе окрестную мелюзгу из приличных семей. Отбирал у нее всё: сладости, мелкие монетки, даже ненужные ему игрушки. Лапе доставляло удовольствие глумиться над своими жертвами. За ним хвостом таскались двое прихлебателей Димкиного возраста – Яшка и Сенька.

В тот вечер они прижали его к забору и велели вывернуть карманы. Не узрев ничего интересного для себя, решили просто развлечься.

– А ну, давай, ешь землю, – приказал Лапа, сунув ему под нос кулак.

– Ешь, барчук! – вслед ему вякнул Сенька, сопроводив свои слова болезненным тычком под ребра.

Приключившийся с ним ступор они истолковали как отказ, и Лапа в гневе схватил его за ворот курточки, приподнял и встряхнул. Из рта Фимки отвратительно несло то ли чесноком, то ли луком, а свинячьи глазки налились кровью.

– Отпустите, – попытался выговорить он, но не успел.

Доска, выломанная откуда-то, с треском сломалась об башку Лапы. Гроза улицы зашатался, как пьяный. Сенька, получивший кулаком в глаз, кинулся бежать, только пятки

засверкали. За ним, не дожидаясь продолжения, пропустил Яшка.

Николай, не давая Лапе опомниться, двинул ему сапогом между ног. Когда обидчик Димы кулем повалился на землю, он продолжил наносить удары по всем частям тела без разбора. Поверженный враг беспомощно дергался, испуская звуки, похожие на хрюканье.

Он подумал, что Лапе не выжить, но брат вовремя остановился.

– Еще раз поймаю, конец тебе, – громко объявил Николай.

С тех пор уличные безобразия прекратились. А у него появилось ощущение, что за старшим братом можно укрыться, как за каменной стеной. В подпольную организацию он тоже подался по примеру Николая, который просто преклонялся перед ее вождем. «Нет второго такого человека в России», – повторял брат, и он верил. Сам, правда, с вождем не виделся.

Три года под надзором тянулись как, наверное, тридцать три. «Ни во что не вмешиваться, ждать», – сформулировал задачу Николай. При попытке восстановиться в университете ему показалось, что старший не прочь вернуться к прежней жизни, без революции. Ведь чего или кого ждали, было непонятно... Отказ будто подстегнул брата. Их мирная московская жизнь закончилась внезапно, после очередного возвращения Николая из Петербурга (он одним днем посещал столицу, когда средства позволяли). И вот – до вели-

кого дела рукой подать.

Чем ближе был этот день, тем больше у него возникало сомнений насчет Верного. Потрясенный гибелью Надежды, главный исполнитель погрузился в себя. На общей встрече, где поклялись отомстить, выражение его глаз совсем не понравилось Греку. «Может, лучше я его заменю?» – спросил он брата, когда вернулись в убежище. «Нельзя менять, иначе весь план посыплется», – отрезал Кречет. Причину не объяснил, а допытываться было не принято. В организации каждый знал только то, что положено знать. Родственные связи не имели значения.

Глава девятая

Последние приготовления

– Я, кажется, понимаю, какой ответ пришел из Пскова...

– Да, означенный Архипов живет у себя дома. Занят извозом. Благонамеренного поведения, женат, двое детей, – пересказал текст депеши Козлов.

Григорий Денисович кивнул своим мыслям.

– Паспорт терял?

– Паспорт был у него украден в трактире возле Обводного канала в феврале сего года, во время пребывания в Петербурге с обозом. О чем Архипов немедленно донес в полицейскую часть. Выдали новый.

– Приметы тоже не совпадают?

– Нет, конечно.

Ничего другого Платонов и не рассчитывал услышать. Сыскная полиция, проявив похвальное упорство, нашла среди тысяч столичных извозчиков того, кто мог быть сообщником Соколовского-Кречета. Под именем Андрея Осиповича Архипова, крестьянина Псковской губернии, тот приступил к работе с начала марта, а получил расчет 12 мая, якобы по семейным обстоятельствам. «На следующий день после ограбления на Новой Исаакиевской», – присовокупил

помощник градоначальника, хотя Григорий Денисович мог обойтись без подобного комментария.

Нанимателю самозванный Архипов не показался подозрительным. Ну, бороду брил очень коротко, не по-крестьянски, да больше помалкивал, чем говорил. Что такого? В загаре хозяин тоже не увидел чего-то особенного. Мало ли, кто где загорает. Не начни агент расспрашивать и выпытывать, натурально не подумал бы плохого. Ночевал новенький в казарме, вместе со всеми, выручку приносил исправно, жалоб на него не было.

– Остерегаются, – заметил Платонов, – отсюда и накладная борода. Только цвет кожи не спрячешь.

– Портрет будем делать? – спросил Козлов.

– Обязательно. След потерян, но может найтись. Знаете, о чем еще я думаю?

– О чем, Григорий Денисович?

– Их действительно очень мало. В самых... э-э... щекотливых ситуациях они не могли полагаться на постороннего возницу, поэтому использовали своего человека. Одного и того же, заменить его было некем. Раз так, он снова появится. Мне чутье подсказывает.

– Надеюсь, не в самую последнюю минуту, когда мы ничего не сможем исправить, – генерал вытер платком вспотевший лоб.

– Ставьте в известность Третье отделение, а мне пора дальше по министерским делам, – Платонов поднялся с

кресла, беря проверенный зонтик.

В четверг, 19 мая, небо над городом сплошь заволокло тучами. Однажды из них уже брызгал мелкий, морозящий дождь, и в окно служебного здания на Большой Морской было видно, что грядет продолжение.

Зонт сегодня явно не помешал бы, но Борис даже не вспомнил о нем, выходя из дома углу Знаменской и Малой Итальянской улиц. Он еще ничего не решил и просто брел по знакомым местам, с трудом переставляя ноги и пытаясь навести порядок внутри себя. Одиннадцатого числа Кречет велел ему сказать больным, чтобы домохозяйка не задавала лишних вопросов, наружу не высовываться. Несколько раз его проводывал Грек, принося еды и папирос. Но вчера волей-неволей пришлось высунуться. Слишком быстро иссяк запас, а курить тянуло невыносимо, иначе просто трясло от нервов, и возле парадного он наткнулся на газетчика в красном кепи с медной бляхой.

– Жертва умоляет убийцу! Побойще на Новой Исаакиевской, неизвестные подробности! Берите «Петербургский листок»!

Естественно, он взял. Прочел залпом и едва устоял, припав спиной к оштукатуренной стене. Борис хорошо помнил, как во время общего сбора на даче Елена спрашивала Кречета, не опасно ли ей выезжать на дело без боевых патронов. Старший в их пятерке пояснил, что опасности, дескать, ни-

какой, важно напугать, а для непредвиденного случая хватит его «Смит-и-Вессона». Если что, Медведь будет рядом, на крыльце, он придет на выручку. Ответ прозвучал вполне разумно. По словам самой Елены, люди ее отца в лавке не были вооружены. Как сказал потом Кречет, никто не предполагал, что продавец достанет револьвер и выстрелит. Пришлось обороняться от него и приказчика, который тоже пытался сопротивляться.

Она не должна была вступать в организацию. Это его, Бориса, вина, он ручался за нее перед Кречетом. На самом же деле просто не мог расстаться с ней, поскольку нельзя было ему находиться внутри, а ей снаружи. Не утаил бы... Кречет, представлявшийся тогда Трофимом, при первой встрече после собрания кружка только прощупывал его. Они вдвоем долго бродили по холодным, пустым улицам Васильевского острова, и почти всё время говорил один Борис, будто исповедовался. Рассказывал, перескакивая с пятого на десятое, как опротивела эта болтовня, как тошнит от теорий и теоретиков, как страстно хочется настоящего революционного дела.

Вторая встреча на Васильевском состоялась вечером накануне Казанской демонстрации. Кружок бурлил, все выражали готовность непременно идти. В разгар бурления Кречет тихонько позвал его на лестницу черного хода и там, не повышая голоса, сказал про террор. Борис чувствовал его жаркое дыхание у себя на лице, в глазах напротив светилось

что-то безумно-завораживающее, словно дразня и повторяя: «К борьбе призывал? Так вот тебе борьба, бери! Борись, Борис!»

– Но завтра... – заикнулся он.

– Завтра пустое, – пригвоздил Кречет. – Из этих балаболов от силы треть явится, и толку не будет.

Так убедителен был загадочный Трофим, что Борис поверил, не требуя доказательств. И, тем не менее, нельзя было не являться. Елена посчитала бы его трусом и отвернулась бы навеки. «Ради нее», – твердил он мысленно на следующий день и в соборе, и на площади.

Вышло, как предсказывал новый товарищ – ни шатко, ни валко. В жиденькой толпе (ее и толпой сложно было назвать) разглядел он всего пару-другую знакомых лиц, флаг «Земли и воли» мелькнул и пропал, дальше набежали городовые с дворниками и кто-то закричал про казаков. Как из-под земли возник Кречет, схватил Бориса за воротник пальто и потащил прочь, а заодно с ним Елену. Позади них вопили про сатрапов, проклинали самодержавие. Мимо действительно проскакал казак с нагайкой, от которого они увернулись чудом. Остановились и отдышались за Банковским мостом, по другую сторону Екатерининского канала.

– Я же говорил: пустое, – напомнил Кречет таким голосом, что даже заядлая спорщица Елена не посмела возразить.

Он мог ее убить, это правда. Он кого угодно убил бы. На-

чали ведь не с какого-нибудь сатрапа-полицмейстера, а со штатского чиновника, который просто мог ляпнуть лишнее. Медведь с Греком выполнили приказ беспрекословно. Во всяком случае, ему, Борису, не было известно о сомнениях с их стороны. Ничья жизнь для организации не имела ценности в сравнении с намеченным делом. Но почему Елену? Почему?!

«За всех отомстим. Начнем, и заполыхает Россия», – уверенно, будто камни клал, пообещал Кречет, когда принес известие о гибели его подруги. Увиделись они в каком-то очередном трактире, в отдельном огороженном закутке. Компанию им составил Медведь, таращивший на Бориса свои глаза навывкате.

– На, выпей, – поднес он ему чарку водки.

От первой чарки не изменилось ничего. После второй зашумело в голове.

– Хватит, – скомандовал Кречет. – Нас не запугаешь и с пути не собьешь. Держись и помни об этом!

И он помнил, повторял и повторял, как заклинание, как молитву, пока не раскрыл злополучную газету...

Капли дождя барабанили по шляпе, по плечам. Брызги холодили шею. Подняв голову, Борис увидел на противоположной стороне проспекта колоннаду и купол собора. «Угол Казанской площади и Казанской улицы, дом № 2/1», – выплыл из памяти прочитанный им адрес.

Из-за хлипкой двери доносились шум и гам редакции, топот ног. Сотрудники «Петербургского листка» в запарке доделывали пятничный номер. Здесь, в тесноватой комнатке с канцелярским столом и парой продавленных стульев, места действительно хватало максимум для двух человек. Одним из них был Платонов, с прищуром смотревший на худого русоволосого юношу в темном пиджачном костюме. Оба молчали. Юноша покусывал нижнюю губу, теребя в руках круглую шляпу, которой на пол капала вода.

– Вас, конечно, интересует, с кем вы имеете честь разговаривать, – сказал Григорий Денисович. – Уверяю, мундир на мне настоящий. Я служу в министерстве двора и уделов. К полиции или жандармерии не имею отношения.

– А какое отношение...

– Имеет мое министерство к вашей истории? Охотно отвечу. Всё началось с убийства действительного статского советника Владыкина. По стечению обстоятельств я стал невольным виновником его смерти. Должно быть, вы понимаете, каким образом это произошло.

– Н-не понимаю, – Борис явно был в замешательстве.

– Ого, какая конспирация... Соколовский не сказал вам, что побудило его распорядиться насчет опасного свидетеля?

– Кто не сказал?

– Кречет.

– Нет. Говорил, что он мог выдать нас, и только.

– Если совсем коротко, без мелких подробностей, то я

чуть не увидел его в компании Владыкина. Так вот, с тех пор считаю своим моральным долгом добраться до тех, кто задумал и осуществил убийство, – завершил объяснения Платонов.

Гость редакции опять замолчал, уставившись на лужицу, образовавшуюся от мокрой шляпы.

– Как я понимаю, моральный долг есть и у вас, – продолжил коллежский советник. – Желаете вернуть?

Когда Борис наконец оторвался от созерцания лужицы, в глазах у него стояли слезы. Голос, однако, был тверд.

– Желаю.

Сын саратовского купца первой гильдии Льва Афанасьевича Богданова, по мнению его отца, должен был иметь всё лучшее. Стремление к первенству глава семьи перенял от основателя династии, выбившегося в уважаемые люди из государственных крестьян. Владея собственной мануфактурой и дюжиной лавок в нескольких городах, он был против поступления Бориса в Казанский или Московский университеты. Речь могла идти только о Петербурге, притом о престижном учебном заведении. Горный институт имел как раз такую репутацию.

Не принадлежа к привилегированному сословию, попасть туда было трудно. Богданов-старший сам ездил в столицу хлопотать о сыне. С кем он вел переговоры, сколько денег потратил, Борис не знал и никогда не узнал. Распрощать-

ся с надоевшим Саратовом и начать взрослую жизнь юноша мечтал, как иные гимназисты грезят о кругосветном путешествии. Склонность к технике в нем открылась довольно рано, поэтому отец желал, чтобы первенец-наследник, получив образование, посвятил себя усовершенствованию и расширению производства. Бориса в глубине души не прельщали суконные, шерстяные и шелковые товары, бумажная пряжа и прочие мануфактурные изделия. О своем будущем он имел расплывчатое представление.

Во время учебы обнаружилось во-первых, что способностей Богданова-младшего, подходящих для губернского города, здесь маловато, чтобы считаться одним из лучших. Во-вторых, кто-то проведал о хлопотах отца по его устройству, и у однокурсников он скоро приобрел сомнительную славу купеческого отпрыска с протекцией. Последнее особенно задело его: в таком отношении к себе Борис разглядел застарелую дворянскую спесь. В свободное время он начал искать друзей за пределами институтского круга.

Идея социальной революции привлекла его именно в ходе этих поисков. Убеждая себя, что для лощенной публики он чужак, «мужицкая кость», Борис вместе с тем осознавал свою полную несхожесть с настоящими простолюдинами. Нелегальный кружок на Васильевском был не первым, в который Богданов наведывался. Везде происходило примерно одно и то же. Звали агитировать и поднимать народ, не умея даже найти с ним общий язык. Рвались просвещать

массу, а многие ли там жаждали просвещения?..

Ни в какую деревню он, разумеется, ни с какими прокламациями не потащился. Смеха достойное «хождение» закончилось арестами, коих Борис счастливо избежал. Кречет появился в его жизни, когда ему начало казаться, что и революция – это пошлая комедия, а кружок он не бросал исключительно из-за Елены.

– Вы сейчас на третьем курсе? – уточнил Платонов.

– Да, на третьем, – кивнул Борис.

У него, как и тогда, на стылой осенней улице, вдруг возникла потребность исповедоваться перед незнакомым человеком. Такого он не рассказал бы даже Елене. Перед ней надо было блюсти геройский облик.

– Вся жизнь впереди. Соколовские действительно уверены, что мстят, а вам-то зачем царубийство?

От жуткого слова, произнесенного Григорием Денисовичем, Борис изменился в лице и поежился, хотя в редакционной комнатке было тепло.

– Цель тайной организации мне понятна. Поскольку вы сидите передо мной, значит решили отречься от нее, – участливо проговорил Платонов. – Я обещаю предпринять всё возможное, чтобы вытащить вас из этого болота. В отличие от других, вы не убивали и не грабили. Думаю, государь простит. Конечно, если посодействуете мне.

В невзрачном коллежском советнике не было ничего от Кречета с его фанатичной уверенностью в своей правоте.

Однако верить ему хотелось не меньше, а еще больше.

Уже в конце долгого, обстоятельного разговора Григорий Денисович сказал:

– Всё-таки не пойму, зачем вы ездили в Константинополь накануне войны.

– Я сам не пойму, – пожал плечами Борис. – Кречет предупредил, что нужный человек найдет меня через гостиницу и всё сообщит. Но не было ни записки, ничего. Три дня гулял по городу, потом обратно на пароход и в Одессу.

– Не поступало от него других поручений?

– Нет. Разве что... странная такая просьба. Вернее, не вполне просьба. Когда он просит, нельзя отказать...

– Что за просьба? – поторопил Платонов.

– Послать открытку родителям.

– Послали?

– В первый же день. Турецкой не было, я выбрал английскую. Набросал что-то вроде «Жив-здоров, привет из Царьграда».

Платонов взялся двумя пальцами за переносицу.

– Еще кто-нибудь из организации ездил за границу?

– Лена ездила, – неожиданно ответил Борис.

– Куда?

– В Австрию.

– Раньше вас?

– Наоборот, позже. Где-то в середине апреля.

– Откуда вы знаете?

– Вообще, ей запрещено было говорить, – Борис чуть помешкал, видимо, от нахлынувших воспоминаний, – но она мне потом сказала, во время нашего свидания.

– В чем же состояло ее поручение?

– Я не знаю. Секрет.

Григорий Денисович простучал пальцами по столу что-то вроде мазурки.

– И насчет бумаги, которую принес ему Владыкин, Кречет намеков не делал?

– Тоже нет. Просто сказал: «В субботу всё узнаешь».

– Спасибо вам большое, – от души поблагодарил коллежский советник. – Теперь слушайте мой план...

Граф Адлерберг выслушал срочный доклад Платонова, ни разу не перебив. Когда тот замолчал, министр двора пригласил бакенбарды и спросил:

– Нам не известно настоящее имя лишь одного злоумышленника, по прозвищу Медведь?

– Да, Александр Владимирович. В чем-то мы оказались осведомлены даже лучше, чем Богданов.

– Что вы подразумеваете под «лучше»?

– Прочих, кроме Елены, членов организации он знает только по кличкам. С ним обычно встречался кто-то один, передавая приглашения через обычных посыльных. Вместе собирались в особых случаях, как перед ограблением, – сказал Григорий Денисович.

– Итак, у нас один способ арестовать их всех – во время общего сбора.

– Его не будет. С Богдановым встретится один из террористов, передаст ему уточненную инструкцию и всё необходимое.

– Ловко... – министр покатал по столу цветной карандаш.

– После примитивного убийства студента Иванова они тоже учатся на ошибках.

– А если взять этого Медведя или младшего Соколовского, когда он явится? Сорвем покушение, дальше пусть Третье отделение и полиция позаботятся о других.

Платонов сделал отрицательный жест.

– Тогда может ускользнуть Кречет, который держит в своих руках все нити. У него наверняка есть продуманный путь отхода. Я, кстати, до сих пор не уверен, что он – главный заговорщик и автор всей комбинации.

– Но кто, если не он? Ведь у нас нет ни единого упоминания о ком-то еще, кто мог бы стоять у него за спиной.

– Ни единого, вы правы.

Тишина, установившаяся затем в кабинете, была недоброй. Министр нарисовал на полях лежавшего перед ним черновика что-то похожее на сплюснутый знак вопроса.

– Нам попался не слишком ценный улов. Вашим студентом вертят, как марионеткой, – проворчал он. – Какие-то загадочные шаги вроде вояжа в Турцию... А его вклад в Волжско-Камском банке? Открыл в начале апреля, закрыл перед

налетом на Новой Исаакиевской. Выходит, деньги у них были. Почему пошли грабить?

– Быть может, требовалось больше денег. Или интересовали именно драгоценности, с прицелом на некие будущие дела, – ответил Григорий Денисович.

– Хм, будущие... С нынешним разобраться бы. Не знаю, как государь отнесется к моей просьбе о помиловании. Участие в тайном обществе, недонесение о предыдущем преступлении – право же, многовато выходит.

– Я верю, что Богданов выведет нас на Соколовских. Не говоря уже о том, какую роль он должен сыграть в субботу.

Платонов был сама учтивость, но в блеске его глаз, утративших рассеянное выражение, Адлерберг увидел нечто стальное.

В подвальной кухмистерской на Биржевой линии было грязновато и пахло, заодно с едой, намокшей одеждой. Наведывались сюда в основном студенты университета, которых привлекали низкие цены и не смущала спартанская обстановка круглосуточного заведения. Забегали порой и мелкие чиновники с ремесленниками, и другие клиенты, кому не по карману были рестораны, трактиры и, тем более, домашние повара. Так что пара посетителей, расположившаяся в дальнем от входа углу, не приковала к себе внимания.

Разговаривали эти двое тихо, наклонившись друг к другу, и услышать их было непросто даже подойдя вплотную. Пер-

вый, темноволосый, с тонкими усиками, для выхода в город надел удобную серую блузу, подпоясанную ременным кушаком, и черные брюки, которые заправил в высокие сапоги. Такой костюм предпочитали многие учащиеся. Однако этот мужчина был старше на вид, а его лоб пересекали ранние морщины. Владыкин тотчас узнал бы в нем Кречета, но действительный статский советник две недели назад, тоже в пятницу, расстался с жизнью.

Напротив старшего из братьев Соколовских сидел приземистый человек лет тридцати пяти с грубоватой простонародной физиономией и рыжеватыми стриженными усами. Холщовый двубортный сюртук так же, как черты лица, выдавал в нем выходца из крестьян, простого мещанина или не шибко преуспевающего купца. В дополнение к шароварам и он предпочитал сапоги, несмотря на скромное одеяние начищенные на совесть.

– На словах передал что-нибудь? – спросил Кречет, не отводя цепкого взгляда от входной двери.

– Велел сказать так: «Согласен по-тихому», – едва заметно окая, ответил его собеседник.

Кречет отрывисто кивнул.

– Хорошо. Передай и ему: «Подам знак».

Периодически поглядывая на входящих и выходящих из кухмистерской, он быстрым движением развернул перед собой на липкой столешнице густо исписанный с обеих сторон клочок бумаги. Надо было обладать поистине соколи-

ным зрением, чтобы расшифровать мельчайшие бурые каракули. Чтение заняло минут пять. Закончив, Кречет скомкал записочку и поднес ее к огню свечки.

– Больше ничего не говорить?

– Нет, – голос Кречета потеплел. – Спасибо тебе, Староста.

Глава десятая

Идя по краю

Время в субботу ползло мучительно медленно, особенно в послеобеденные часы. Борис еще с утра облачился в чиновничий мундир, долго ходил в нем по квартире, посидел за столом, даже прилег, не разуваясь, на заправленную кровать. Все бумаги он, как и приказал Кречет, уничтожил заранее. Остался один паспорт, выданный Вячеславу Олеговичу Евстратову, двадцати двух лет, из мещан Новгородской губернии. На это имя была снята квартира, куда Борис въехал за день до ограбления на Новой Исаакиевской. Тогда же он перестал посещать занятия в Горном.

Богданов знал, что сюда он в любом случае не вернется. Паспорт тоже надлежало сжечь в печке, но Платонов попросил сберечь его как улику. «После акции получишь другой. Выедем за границу, чуть отсидимся, потом продолжим», — очертил ближайшие планы Кречет. Акцией он называл то, что предстояло совершить сегодня. О том, в какую страну и каким путем они направятся, Борису должны будут сказать, когда всё закончится. Иногда ему думалось, что и Кречету точно так же кто-то, по частям, передает нужные указания.

На карманных часах, подаренных отцом к совершенноле-

тию, стрелки, казалось, застыли возле половины седьмого. Борис опять взялся поправлять подушку, засунутую под спину, жалобно скрипнули кроватные пружины, и вдруг раздался громкий стук во входную дверь. Погруженный в тягостные мысли, он даже не услышал шагов на лестнице.

– А полтинник за вещи хорошо бы сейчас, барин. Мы обычно вверх-вниз не носим, – прогудел басом кряжистый извозчик с окладистой, черной как уголь бородой.

Стоило Борису встать и отворить, как тот заполнил собою почти весь дверной проем. О его принадлежности к ремеслу говорил желтый кушак поверх длинного, до щиколоток, балахона. За плечом у мужика виднелась голова Медведя в мятой фуражке набекрень.

– Ну да, конечно, сейчас, – забормотал Борис, пятясь в переднюю.

Появлению чужого человека на пороге своей квартиры он даже не успел удивиться. В следующий миг извозчик выкатил глаза и жутко захрипел, всем телом подаваясь вперед. Медведь из-за спины ловко прихватил его левой рукой за горло и, не давая рухнуть со всего размаха, уложил на пол, лицом вниз. Теперь Борис различил в его правой руке окровавленный кинжал с длинным лезвием.

Напарник ногой подвинул выпавший у мужика саквояж, захлопнул дверь на лестничную площадку и громким шепотом прикрикнул:

– Чего уставился? Помоги!

Мужик был ужасающе тяжелым, пудов шести с половиной, а то и тяжелее. Во всяком случае, так показалось ошеломленному Борису. Они волоком втащили его дальше в переднюю и оставили лежать у стенки. Рану справа у поясницы, из которой толчками выплескивалась кровь, Медведь небрежно заткнул подобием тампона, связанным из носового платка.

Больше не обращая внимания на убитого, он прошел в комнату и стал сноровисто переодеваться. В саквояже у него оказались извозчий армяк, штаны и сапоги. Наряд дополнили картуз и предусмотрительно захваченный желтый кушак (тот, который был на мужике, уже пропитался красным). Детали своего прежнего, гражданского туалета Медведь бросал, где придется.

Всё было проделано в считанные минуты. Медведь отпихнул ногой опустевший саквояж и расправил армяк. В последнюю очередь он содрал с извозчика кожаный номер и с помощью Бориса нацепил его себе на спину, под воротник.

– Как положено, – подмигнул он сообщнику.

Экипаж, ожидавший их у парадного, был хорош – новый, чисто вымытый, с колесами на дутых шинах, запряженный парой ладных вороных. Борис тут же вспомнил бороду их зарезанного хозяина, и его чуть не стошнило. Спасибо, ограничился утром одним чаем с хлебом, другая пища не лезла в рот.

– Держи за труды, – Медведь швырнул мальчишке, кара-

улившему рысаков с экипажем, мелкую монету.

Тот, кажется, не сильно поразился его чудесному превращению. На питерских улицах он и не такое встречал. Спустя еще полминуты лихач с пассажиром, как ни в чем не бывало, катил в направлении Литейного.

Верный выглядел каким-то вареным. На такую акцию, вообще, стоило бы лучше отправить Грека. Есть в нем какая-то дерзость, а этот скорее просто позер. Медведь раньше намекал Кречету, что надо позаботиться о замене, но без толку. «План не меняем», – только это и услышал в ответ. Правда, сегодня, прощаясь на съемной квартирке в Кузнечном переулке, Кречет очень настоятельно попросил его не сводить с Верного глаз.

– Думаешь, газету читал? – в лоб спросил Медведь.

– Не должен был, но мало ли...

– По краю идем.

– Только так сможем победить, – как обычно, весомо постановил Кречет.

Разве тут возразишь? И Медведь по мере возможности присматривал за Верным с самого начала их маршрута. Присматривал, зная, что нужно будет сделать потом... Хотя в основном, конечно, приходилось уделять внимание воронным. Рысаки попались с норовом, к тому же, видимо, крепко помнили руку покойного хозяина, а к его, Медведя, манере править лошадьми не могли привыкнуть так сразу.

Впрочем, в сроки они укладывались. Правда, чуть застряли в городе, где настрого запрещалось гнать. Медведь не искал судьбу, дабы избежать объяснений с полицией. После Литейного проспекта аккуратно выехали на Владимирский, дальше на Загородный и, от поворота налево, по прямой, без задержек – уже до самой Московской заставы. Миновав ее, помчались с ветерком, легко отыгрывая вынужденное опоздание.

В Царское могли прибыть даже чуть раньше намеченного. Но здесь важно было не перебрать и не болтаться потом без дела поблизости от императорской резиденции. Поэтому Медведь пару раз останавливался на шоссе, возился с упряжью, с озабоченным лицом осматривал колеса и рессоры. Верный теперь не отрывался от часов с цепочкой. Когда, по всем заранее произведенным расчетам, до вокзала осталось десять минут езды, тронул Медведя за плечо.

– Пора!

Тишайшую улочку тоже присмотрели во время предыдущего визита. Жившая на ней дворцовая обслуга спать ложилась рано, поскольку вставала чуть ли не с первыми петухами. Одинокий экипаж с поднятым верхом ни у кого не вызвал бы любопытства.

Под неотрывным взглядом Медведя его напарник достал из-под сиденья жестяную коробочку и щипцы. Выудил из коробочки тонкую стеклянную трубку размером с безымянный палец, наполненную коричневатым составом. Секунду по-

медлил, собрался с духом и несильно сдавил щипцами один конец трубки. Стекло хрустнуло.

Далее на очереди был деревянный бутылочный ящик, всю дорогу им чутко сберегаемый. Содержимое ящика укрывала дорогая оберточная бумага, а сбоку в дне, которое изготовили немного толще обычного, имелось круглое отверстие, наглухо запечатанное пробкой под цвет дерева. Помогая Верному, Медведь вынул пробку, после чего трубку пропихнули глубоко внутрь. Пробка скрыла ее.

– Всё, – сказал Верный. – Готово.

Медведь гордился своим самообладанием, но сейчас он ощутил, что его ладони взмокли. Достать запал обратно было уже нельзя.

Привокзальная площадь в Царском Селе была до середины заставлена разнообразными каретами и колясками и по краю оцеплена лейб-гвардейцами. Ближе к станционному комплексу через равные промежутки стояли жандармы в форме, а около павильонов методично прохаживались сотрудники Третьего отделения в штатском. Часы на башне главного здания показывали без четверти одиннадцать, когда из улицы Широкой выехал экипаж, запряженный парой вороных.

Григорий Денисович увидел его из окна кареты, поставленной ближе всех к императорскому павильону. Легкие сумерки, перетекавшие в белую ночь, нисколько не мешали об-

зору. План, который Платонов предварительно изложил графу Адлербергу, был одобрен государем. Руководил операцией лично шеф жандармов Мезенцов.

– Вы представляете, что будет, если адская машина срабotaет раньше? Например, у входа в вокзал или на перроне? – тихо спросил начальник Третьего отделения во время последнего совещания днем в субботу.

– Они испытывали запалы не однажды. Ездили на пустыри за город и выверяли время с точностью до минуты, Богданов при сем присутствовал, – заметил Платонов.

– Меня удивляет и настораживает, что оба Соколовских не участвуют в покушении. А между тем, старший из них – создатель бомбы, ему и карты в руки.

– Я предполагаю, что их план не ограничивается покушением.

Мезенцов поморщился, как от зубной боли.

– Оставьте, пожалуйста. По-моему, это ваши фантазии. Конечно, повеление государя мы выполним и сегодня же к вечеру примем необходимые меры. Но, повторюсь, я не верю в столь...э-э... удивительную версию.

– Довольно будет принятия необходимых мер, Николай Владимирович, верить вовсе не обязательно, – примирительным тоном сказал министр двора.

Сейчас его императорское величество должен был попроситься с императрицей и проследовать к вагону. Адлерберг находился рядом с ним. Перед краткой церемонией прово-

дов с чьих-то уст сорвался слух, что княжна Долгорукова²⁶ якобы настаивала на своем присутствии и желала приехать сюда. «Только этого не хватало», – едва не произнес Платонов. К счастью, как тут же шепнул ему один расторопный и проверенный человечек, слух был ложным, и ничто не омрачило семейную идиллию.

Посторонний экипаж, разумеется, был остановлен гвардейцами. К нему, придерживая рукой шашку в ножнах, бежал один из жандармских офицеров.

– Я коллежский регистратор²⁷ Корецкий, чиновник для поручений канцелярии министерства. От его сиятельства графа Адлерберга! – выкрикнул Борис, спрыгивая с подножки.

Реальный Корецкий в это время, должно быть, готовился отойти ко сну в любимом домашнем колпаке и ночной рубашке, не ведая о своем участии в историческом событии. Главное, что фамилия, чин и должность были подлинными.

– Граф с государем, – ответил жандарм не вполне решительно.

Борис выхватил из-за отворота мундира сложенную вдвое бумагу.

---

²⁶ Екатерина Михайловна Долгорукова – фаворитка Александра II, затем его вторая жена.

²⁷ Гражданский чиновник 14-го (низшего) класса. Соответствовал прапорщику в пехоте и корнету в кавалерии.

– Господин поручик, очень срочно. Извольте прочесть!

«Прошу оказать всё возможное содействие», – от руки значилось в записке на типографском бланке с двуглавым орлом и полным наименованием министерства императорского двора и уделов. Здесь же размашисто красовалась подпись самого Адлерберга, с легко узнаваемым хвостом.

– Его сиятельство распорядился о дополнительной поставке к столу его величества, – заявил самозванный Корецкий. – Красное «Бордо», дюжина бутылок. Еле успели...

Жандармский поручик помедлил. Любимую марку императора он тоже знал. Медведь, восседавший на козлах, впился в него глазами.

– Минутку, господин советник, – буркнул наконец офицер.

Он повернулся к зданию вокзала и призывно махнул рукой. С места рысью рванул сотрудник в штатском.

– Снимите обертку, – потребовал второй жандарм при виде ящика.

Борис повиновался без возражений. Все бутылки из темно-зеленого стекла, по три четверти литра, были на месте, каждая в своем гнезде, для пущей целости переложенные соломой. Агент потянул на себя ближайшую к нему, в горлышке плеснулась жидкость. Не став доставать бутылку полностью, чтобы исследовать ее более тщательно, человек из Третьего отделения утвердительно кивнул.

– Скорее, поезд отходит! Следуйте за мной.

Обнимая увесистый ящик и молясь неведомо кому, чтобы не оступиться второпях, Борис припустил за своим спутником. Императорский павильон, был, понятно, не для них. Пришлось трусцой проскакать через зал ожидания третьего класса. На перроне также застыла охрана в форме и штатском. Локомотив впереди состава уже хрипел, шипел и разводил пары.

Один темно-синий вагон, другой такой же... Возле третьего от головы жандарм велел остановиться, в открытую дверь зычно кликнул буфетчика. «Кухня», – понял Борис, державший в уме схему поезда. Через вагон от него охранники выстроились шеренгой поперек перрона.

«Императорский. Так близко! Вот это повезло, он же всегда идет восьмым... Наверное, изменили порядок из-за цепных», – лихорадочно соображал Борис. В состав действительно должны были добавить по вагону для юного великого князя Сергея Александровича и министров. Богданов так вжился в роль, отведенную ему Платоновым, что действовал и мыслил, как истинный террорист.

– Принимай товар! – оборвал его размышления и расчеты переодетый жандарм.

Буфетчик, рукастый малый, кровь с молоком, виртуозно подхватил винный ящик и растворился с ним в недрах вагона. Паровоз дал гудок. В большом зале главного здания, чьи окна, обращенные на перрон, были распахнуты во всю ширь, оркестр грянул преображенский марш.

– Идемте, идемте, – торопил сопровождающий, трогая Бориса за рукав мундира.

Царский поезд тронулся.

Медведю, томившемуся рядом с оцеплением, немногочисленные минуты показались часами. Напустив на себя равнодушный вид, он дал рысакам овса из хозяйского запаса, обошел экипаж, обстукал колеса с шинами, а сам украдкой кидал по сторонам внимательные взгляды. Опасности не уловил. Служивые глядели перед собой так же спокойно и равнодушно, а для жандармов извозчик перестал существовать. Знакомых лиц на привокзальной площади Медведь тоже не увидел.

Поезд отправился ровно в одиннадцать, как и предупреждал Владыкин. Когда планировали акцию, Кречет предусмотрел даже опоздание царя – правда, не слишком продолжительное, до четверти часа. Это был предел возможного, науку не обманешь. И да, перед взрывом состав должен набрать ход, только тогда разрушение одного вагона точно вызовет опрокидывание остальных. Запал рассчитан на пятьдесят минут, значит прошла половина времени. Всё складывалось, как по графику...

Верный скорым шагом пересек площадь и взобрался на пассажирское место. Медведь тронул вожжи, не мешкая. Отъехав без суеты саженой на сто, гаркнул на вороных и погнал во весь дух обратно к шоссе. Здесь-то сказалось превос-

ходство настоящего лихача над обычным «Ванькой». Лошадей он выбирал наметанным глазом, специально для великого дела, ну а мужик, прилагавшийся к ним... Что ж, мужик погиб за торжество революции. За свободу.

Царское пролетели, как на крыльях, за ним сразу, не сбавляя скорости – деревню Большое Кузьмино, для которой столличный тракт служил основной улицей. Дальше впереди были видны огни Большого Пулкова, действительно крупного и зажиточного села, чьи обитатели никогда не знали крепостного права. Приближаться к его околице не стоило.

Оставив деревню позади, экипаж стал сбавлять ход. Борис, сидевший как на иголках, ощутил прилив тревоги. Всю дорогу он не убирал в карман часы. Длинная стрелка подбиралась к половине двенадцатого, но со стороны железной дороги не раздалось ни малейшего звука, похожего на отдаленный взрыв.

Один из вороных всхрапнул, экипаж дернулся и встал около верстового столба. Слева и справа от шоссе раскинулись засеянные поля, еще правее чернел лесок. Смерклось лишь самую малость, по соседству не было ни души.

– Тут подождем, – пояснил Медведь, слезая с места кучера.

– Сколько ждать? – голос Бориса некстати дрогнул.

– Недолго.

Дорога в этот поздний час пустовала. Ее участок до Пул-

кова будто вымер, позади тоже не оказалось ни повозки, ни всадника. Когда проскакивали Большое Кузьмино, Борису почудилось какое-то движение сзади, но сейчас он уже сомневался в этом. Григорий Денисович обещал, что за ними будут следить. Успокаивал его? Лукавил? Или Медведь сумел оторваться от агентов? Странное место, в принципе неподходящее для конспиративной встречи. Или не для встречи? Неужели...

– Дай закурить, – попросил Медведь, стоявший возле лошадей.

– У тебя же свои есть, – ответил Борис, чувствуя, как перехватывает дыхание от напряжения.

– Свои на квартире забыл. Не жадничай.

Вынести такое было свыше его сил. Еще и голос напарника показался недобрый. Борис рывком достал револьвер и, взведя курок, направил ствол на Медведя.

В этот миг он понял всё окончательно. Пока неслись во весь опор, Медведь одновременно пытался вслушиваться в призрачную майскую ночь вокруг, твердя про себя, что поезд успел отъехать далеко и взрыва они могут вообще не услышать. А ведь взрыва, пожалуй, и не было...

– Ты чего? – как можно беззаботнее спросил он, даже усмехнулся кривовато.

– Руки подними, – сказал Верный.

Его губы тряслись, но оружие в руке не прыгало. Такой же

Верный, как он, Медведь, допустим, Хомяк. Или Таракан. Правильно Кречет его приговорил.

– Подниму, если хочешь. А дальше что?

– Поднимай живо! Кинжал свой не трогай!

Голос предателя сорвался на визг. Похоже, он не знал, что делать потом. Медведь движением рук показал, будто подчиняется, а сам отпрянул влево. Грохнул выстрел, пуля обожгла бок, пройдя по касательной.

Щелк! Пока Верный снова взводил курок, Медведь выдернул из рукава метательный нож. Владению этой штукой он тоже выучился на Балканах. Второй выстрел совпал с броском.

Острый, как бритва, клинок угодил Верному чуть выше галстука. Тот запрокинулся на спину, выронив револьвер. Кони ржали, норовя встать на дыбы. Медведь после тупого удара в плечо ощутил, как плетью обвисла правая рука. Рукав армяка намокал от чего-то горячего и липкого.

Стук в ушах... нет, стук копыт по дороге. Ближе, ближе. Он стиснул зубы, устремился с обочины в поле и сообразил, что до леска ему не добраться. После краткого шока пришла боль.

– Стой! Стой!

От остановившихся экипажей бежали люди. «А вот выкусите! Не дамся, не пойду в петлю», – захлебываясь ненавистью, подумал Медведь и левой рукой вытащил из потайного кармашка пилюлю, полученную от Кречета.

Подоспевшие агенты Третьего отделения увидели, как он с перекошенным лицом рухнул на пашню. Яд подействовал мгновенно.

Глава одиннадцатая

Целиться ниже

В кондитерской Вольфа и Беранже было мало посетителей. По воскресеньям столичное общество пробуждалось поздно, раскачивалось с ленцой. Касалось это, конечно, людей передовых, эмансипированных. Петербуржцы, державшиеся за старые заветы, вставали рано и собирались в церковь. Григорий Денисович Платонов к передовым кругам себя не относил, но и в храм не пошел. Сидя в любимом заведении за тем же, что и в прошлый раз, угловым столиком, он потягивал из чашки очень крепкий кофе по-восточному. Разделить с ним пузатый кофейник опять вызвался подполковник Левкович.

– Николай Владимирович пребывает в очень скверном расположении духа, – говорил он. – Шеф полагает, что вы слишком доверились Богданову и убедили министра, а тот государя.

– Чем же он не оправдал доверие? – поинтересовался Платонов.

– Отклонился от инструкции, пустил в ход оружие... Это была ваша идея дать ему револьвер.

– Вы действительно восстановили картину произошедше-

го?

– Поверьте, задача была несложной, – сказал жандармский офицер. – Сделано два выстрела. Один не причинил вреда злоумышленнику, другим он был ранен и не смог далее сопротивляться. Его кинжал остался в ножнах на внутреннем поясе, а это основное оружие, которым были убиты Владыкин и вчерашний извозчик на Малой Итальянской. Выходит, стычку затеял Богданов, застав сообщника врасплох.

– Но зачем ему было затевать стычку? И, наконец, как вы себе это видите? Богданов, отъехав недалеко от Царского Села, вдруг требует остановиться – прошу заметить, не в деревне, а буквально в поле – и угрожает Медведю револьвером?

Левкович не сразу нашелся с ответом.

– Кстати, личность убитого террориста пока не выяснена? – продолжил Григорий Денисович.

– Ищем через картотеку, подняли материалы по «Народной расправе». Думаю, найдем, но понадобится время. А у студента, знаете, могли просто нервы сдать.

– Не могу поверить, что они сдали без повода, – Платонов на секунду зажмурился, наслаждаясь напитком.

Подполковник по привычке понизил голос, хотя соседний столик был свободен.

– Между нами, Николай Владимирович расстроен из-за еще одного обстоятельства.

– Собираетесь выдать мне государственную тайну? – неве-

село пошутил Григорий Денисович.

– Да какая тайна... Опаснейшие заговорщики – молодые люди из прекрасных семей. Не знали нужды, тягот, получали хорошее образование, могли преуспеть. Вместо этого навлекли позор на родителей, на всех близких. Шеф не может понять, почему. Ей-богу, революция хуже чумы с холерой. Куда заразнее!

– Старший из Соколовских точно мог преуспеть. Его способностигодились бы и в горном деле, и в военном. Запал от бомбы вам так и не достался?

– Увы. Бутылки с динамитом мы вынули прямо в вагоне-кухне, а ящик пришлось сбросить с поезда, – сообщил Левкович. – Подобрали то, что уцелело, но формулу по обломкам не вывести. Надеюсь, воспользуемся лабораторией господина Кречета.

– Найти бы ее сначала...

– Давайте запасемся терпением, Григорий Денисович. Я не верю в счастливые озарения. Только упорная черновая работа приносит результат. Сейчас на ноги поднята вся агентура, нам помогают полиция, дворники. Предупреждена таможня. Всем розданы приметы, студия без сна и отдыха печатает фотопортреты. Рано или поздно Соколовские попадутся!

Страстный монолог Всеволода Романовича не особенно зажег Платонова. Он подлил еще кофе и меланхолично ответил:

– Время меня и беспокоит более всего. Точнее, его нехватка.

Место для себя Грек, посланный братом, тоже присмотрел заранее. Отсюда до точки взрыва, с учетом вероятных задержек царского поезда, было примерно одинаковое расстояние. Кречет заверил его, что в любом случае звук будет слышен. Располагаться ближе к железной дороге было опасно: после крушения всю округу наводнят солдаты и жандармы, важно убраться как можно скорее. Так что образ подпившего столичного повесы, выбравшегося субботним вечером за город, к приятелям, Греку вполне подходил. Наняв извозчика у Гостиного двора, он, пока ехали, потчевал его рассказами о своих мифических собутыльниках, время от времени принимаясь петь романсы. Возница оставался невозмутимым, только хмыкал иногда.

Ориентиром Грек выбрал Чесменскую военную богадельню, открытую при папаше нынешнего императора в путевом дворце екатерининской эпохи. Само здание, как и ворота, ведущие во двор, находились на некотором отдалении от шоссе. Очень удобно: и сторожа вряд ли полезут с расспросами, и стоять можно сколько угодно, не возбуждая опасений у извозчика. Не в глухой ведь чаще.

– Да, вот здесь и встречаемся, а потом снова гулять будем. Ты как думал? – с пьяной интонацией вызывающе обратился он к мужику, хотя тот не собирался спорить.

Достал из кармана жилетки часы: начало двенадцатого. Медведь и Верный как раз должны закончить и отчалить от вокзала. Если всё идет по плану...

Вокруг действительно стояла тишина. Только поодаль от них тонко попискивала какая-то птица. «Пять или шесть верст не помеха, точно услышу», – мысленно сказал себе Грек.

Развлекать извозчика уже не тянуло, но деваться было некуда.

– Где ж они есть? К-куда з-запропались? – растерянно приговаривал он, каждые две-три минуты глядя на часы.

Никогда за свои двадцать семь лет Дмитрий Соколовский не ждал так истова. Больше полугода он, как и старший брат, жил этой акцией, не мог серьезно думать ни о чем другом. Николай и ему не доверял всего, что знал сам. Однако это не мешало младшему беспрекословно следовать за ним. Когда Кречет открыл ему детали сегодняшнего плана, он пришел в восторг.

Всё было выстроено с математической точностью, принята во внимание даже психология противной стороны. Конечно, никто из них, когда до отправления останется несколько минут, не осмелится спросить лично у министра двора, давал ли он поручение какому-то коллежскому регистратору. Ну, и записка, добытая Владыкиным – как главный козырь. Проигрыш исключен!

В половине двенадцатого он стал надеяться, что план, воз-

можно, пришлось изменить на ходу. Извозчик клевал носом на козлах, совсем не слушая его бессвязное бормотание. Еще через четверть часа не осталось ни малейшей надежды. У Грека будто что-то оборвалось в груди. Он стиснул зубы, чтобы не застонать в голос, впился ногтями в обивку сиденья. Спустя еще минуту, заставив себя шевелиться, повелительно крикнул мужику:

– Гони в город!

Беда не приходит одна. Исчез Медведь. Грек утром в воскресенье побывал в Кузнечном переулке, но внутрь доходного дома, памятуя наставления брата, соваться не стал. На улице признаков слежки не было видно, и всё же приказ есть приказ.

А еще Кречет вернулся со своей конспиративной встречи мрачнее тучи. Делиться услышанным отказался. Сидел молча в своей комнате, где все лабораторные принадлежности, материалы и реактивы уже были уложены в дорожный сундук. Курил папиросу за папиросой. Потом вышел и сказал:

– Вторая часть откладывается.

– Из-за Медведя? – спросил Грек.

– Нет. Хотя с ним лучше было бы.

По затянувшейся паузе сделалось ясно, что события окончательно приняли дурной оборот.

– Съезжаем?

– Останемся, – ответил старший. – Здесь пока надежно, сюда никто из наших не приходил. Мелькать лишний раз не

стоит.

Разговор вроде бы завершился. Кречет повернулся, чтобы уйти обратно в комнату, когда младший решился и бросил вдогон:

– Слушай... может, предупредим кое-кого?

– «Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос, спасти его или нет...»

– «...революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользой революционного дела», – за него наизусть закончил цитату Грек.

– Сам же всё понимаешь, – старший похлопал его по плечу.

Сегодня ни к чему было идти в министерство. Граф Адлерберг отбыл с государем в действующую армию и уже давно мчался по Варшавской железной дороге. Подполковник Левкович после совместного посещения кондитерской откланялся и, по его словам, собрался уделить время частной жизни. У коллежского советника Платонова частной жизнью назывались редкие часы, когда он не выполнял очередное деликатное поручение министра.

Воротившись от Вольфа и Беранже, Григорий Денисович сменил прогулочный сюртук на мягкий халат и, вытянув ноги, уютно устроился на диванчике в своем домашнем кабинете. Небо над Фонтанкой потемнело, начал накрапывать дождь. Вторая половина мая в Петербурге оказалась пере-

менчивой. Текущее настроение Платонова тоже трудно было назвать безоблачным.

Покушение на императора удалось предотвратить, но сохранилось ощущение незавершенности дела. И не только потому, что так неудачно оборвался след, который вел к Соколовским. По большому счету, Левкович прав: машина сыска возьмет свое, задавит численностью. За нее Григорий Денисович был спокоен. Беспокоили его отдельные факты, не укладывавшиеся в схему просто «акции».

На левой стороне большого листа бумаги, закрепленного поверх чертежного планшета, Платонов карандашом изобразил несколько правильных квадратов. Каждому присвоил название: «Тело», «Открытка», «Банк». Затем возле правого края добавил еще один, который назвал «Вена». Подумал, повертел карандаш в руке и в средней части композиции, в самом низу, дорисовал квадрат под наименованием «Лавка Р».

Последующие раздумья длились дольше. Наконец, над «Лавкой» он вывел три окружности, одну над другой. Внутри нижней написал: «Ящик» и поставил знак вопроса, среднюю украсил чем-то вроде инициалов: «КГМ». Вслух произнес: «Но как добиться?» Поморщил лоб и в третью, верхнюю, вписал букву «П», к ней также присовокупив вопросительный знак. Завершив художественный труд, неподвижно глядел на огонек свечи на столе, потом жирно перечеркнул то, что получилось.

– Всё это, милостивые государи, ясно и без рисования, – подытожил Григорий Денисович.

По пасмурному небу за окном можно было решить, что наступил поздний вечер. В действительности настенные часы пробили пять. Когда отзвучал последний удар, во входную дверь постучали условным стуком.

Веснушчатый помощник Платонова, в плаще до пят и клетчатом кепи, принес с собой запахи улицы и сырости. Его глаза горели охотничьим азартом. Переступив порог, он выдохнул без преамбул:

– Нашли.

Деревянный домишко в конце Покровской улицы на Петербургской стороне был невелик и сер. Построенный давно, без изысков, он потемнел от времени и словно съежился. У домика имелся крохотный палисадник, а позади него, за убогой дощатой оградой – огород. Мелкие окошки были плотно занавешены.

Крытый экипаж медленно проехал мимо, подскакивая на выбоинах. Здесь не фланировала беззаботная публика, как на Невском, да и остальной народ предпочитал не задерживаться. Наблюдение в подобных местах всегда было затруднено.

– Савелий узнал его по карточке с портрета. Зашел к ней в два с четвертью, пробыл всего ничего, потом сходил в мясную лавку на Большом и вернулся домой, – рассказал вес-

нушчатый, пока мчались с Фонтанки.

– Что в лавке взял? – спросил Платонов.

– Кусок говядины на три фунта, мякоть.

– Готовить будут. Значит, не торопятся никуда.

– Проголодались, видать, – хохотнул негласный помощник.

Жилища соседей и сам домишко сейчас не подавали признаков жизни, но Григорий Денисович знал, что «молодцы» обложили убежище террористов, как ловчие зверя.

– Будем брать?

– Нельзя нам самоуправствовать без Третьего отделения, – в голосе Платонова сквозило горькое сожаление. – Савелия награди по первому разряду.

После ужина, прошедшего в тягостном молчании, Кречет засобирался. Утром на встречу с ним явился Староста, теперь должен был прийти Пила. Весточки от него он ждал, еле сдерживая нетерпение. Вдруг им хотя бы тут повезет и можно будет действовать уже завтра. Каждый день, проведенный в столице после провала акции, умножал риск. Все жандармы, все царские псы после минувшей ночи роют землю, как оглашенные.

Им, конечно, не известны их настоящие имена и приметы. Если только нашли того мальчишку от французского ресторана... Хотя он, Кречет, и это учитывал. Далеко от дома Грек выдвигался в фальшивой бороде и парике, по примеру

Медведя. Только по своей улице и за покупками ходил без маскировки. А то увидят соседи, нечаянно узнают и донесут городовому.

Домик снимал младший брат по паспорту мещанина из Смоленска. Кречет подселился чуть позже, как бы в гости, и не регистрировался. Выбирался из нынешнего убежища лишь по крайней необходимости. Такая необходимость опять настала: там знают и ждут его одного.

Прощаясь, братья обнялись, как делали всякий раз после истории с Владыкиным. Любое расставание с тех пор могло стать последним. Захлопнув за собой калитку и окинув окрестности взором, Кречет почувствовал неладное.

Ему сразу не понравился скрюченный нищий у дома напротив, немного наискосок от их убежища. Раньше здесь никогда не сидели ни бродяги, ни нищие. И какой, вообще, мог быть улов ближе к девяти вечера на глухой окраине?

Дальше по Покровской, в направлении проспекта, под забором стояла чья-то телега с лошадыю. Ее возница делал что-то с колесом или осью, оттуда слышались размеренные удары молотка по металлу. Кречет застыл рядом с калиткой. Расслабленно достал папиросы, закурил. Обильно пуская дым, шарил глазами.

Отблеск линзы в закатном солнце он поймал боковым зрением, когда поворачивал голову справа налево. Сомнений больше не оставалось. В конце улицы – еще один наблюдательный пост.

Не прошло и пяти минут после расставания, как брат влетел обратно в дом. По его лицу Грек прочел самое худшее.

– С собой паспорта и деньги! – приказал Кречет, вбегая в свою комнату и бросаясь к сундуку.

Откинув крышку, он принялся потрошить содержимое. Вытащил пару дымовых шашек, брикет динамита, моток бикфордова шнура. От мотка столовым ножом отхватил кусок длиной дюймов около десяти, приспособил к брикету. Разодрал картонку с патронами.

– Возьми запасные!

– Кто же... – начал было Грек и, к ужасу своему, догадался, не договорив фразу.

– Потом разберемся, если живы будем.

Кречет удостоверился, что всё готово, поджег обе шашки, открыл окно кухни и швырнул их во двор. Динамит уложил на сундук, запалил шнур. Рывкнул:

– Дорогу знаешь! Держись ко мне ближе!

Отдернул занавеску в окне комнаты Грека, локтем высадил стекло и выстрелил в нищего на улице.

Повышенная активность Третьего отделения к добру не привела. Стрельба у дома Соколовских означала, что элемент внезапности был утерян. Штурм никто не планировал – по крайней мере, сию минуту. Мезенцов, экстренно прибывший вслед за своими сотрудниками, как ни странно, вос-

принял аргументы Платонова и согласился подождать до полуночи. Затем умельцы из числа агентов должны были без шума вскрыть двери, что позволило бы застать террористов спящими. Увы, всё погубило распоряжение шефа жандармов усилить наблюдение, убрав «молодцев».

– Ваши люди могут быть свободны. Задержание и арест – наша прерогатива, – подчеркнул генерал-адъютант.

Никакие разумные доводы Григория Денисовича не возымели эффекта. И вот вместо славы Третье отделение пожинало нечто иное. Трещали выстрелы, из-за забора валил густой белый дым. В довершение всего внутри дома что-то страшно грохнуло, взрывной волной вышибло оконную раму. Агенты в штатском залегли прямо среди луж.

– Сбегут! – крикнул Платонов чуть ли не в самое ухо Левковичу.

Всеволод Романович, в парадном голубом мундире и при орденах вырванный из частной жизни, соскочил с пролетки, которая подъехала к месту боя, и что было сил бросился вперед.

– За мно-ой! – как на поле брани, раскатисто воззвал он.

Взрыв застал Кречета и Грека во дворе. Шашки дымили вовсю, сбивая с толку не только атакующих. Старший из братьев проявил предусмотрительность и насчет экстренного отступления – правда, не столь поспешного. За огородом в заборе, не выше пояса, он заранее подготовил лаз, веду-

щий на параллельную улицу, откуда можно было попасть на незастроенную пустошь. От серьезной погони уйти тяжело, но чем чёрт не шутит...

Дернувшись сперва не туда, но всё-таки добежав до искомого места, Грек пинком выбил подпиленные доски и согнулся в три погибели, чтобы протиснуться в дыру. Кречет прикрывал его огнем.

– Целься по ногам! Пли! – подал команду Левкович, увлекая за собой жандармов.

Нестройный залп оказался смертельным для младшего Соколовского. Пуля агента Зайцева, который дисциплинированно опустил ствол пониже, попала ему в голову около уха и по диагонали вошла в мозг. Обмякшее тело застряло в заборе, перекрыв лаз.

Старший Соколовский утробно зарычал и вскинул руку с револьвером, ловя на мушку голубой мундир. Ампула с ядом была близко – в воротнике рубахи, и остаться без патронов он не боялся.

Мощный удар в живот сбил его с ног.

Глава двенадцатая

Как на ладони

Домишко на Покровской горел после взрыва. Черный дым относил ветром на запад. Справиться с пламенем без пожарной команды было невозможно, и остатки лаборатории Николая Соколовского постепенно обращались в пепел вместе с неприятной обстановкой комнат и крошечной кухни. Григорий Денисович и Всеволод Романович стояли на краю истоптанного огорода – вернее, того, что от него осталось.

– Мог и убить меня, если бы не вы, – сказал Левкович.

– Мог и промахнуться, – эхом отозвался Платонов.

– Не скромничайте.

– Знаете, очень давно не стрелял в человека.

Подполковник восхищенно крутнул головой.

– Потрясающая меткость!

– Какое там... – Григорий Денисович с досадой поморщился. – Я ему в руку старался попасть.

– Теперь я ваш должник, – Всеволод Романович церемонно поклонился коллежскому советнику.

В горящих развалинах что-то затрещало, вверх полетели зеленые искры. Сплошная цепь жандармов и городских не

пускала к дому зевак. Мезенцов с его расширенными полномочиями, которые были дарованы ему после попытки царевубийства, подтянул резервы как для небольшого сражения.

Николай Соколовский лежал на каком-то тряпье около трупа младшего брата. Более-менее сведущий в медицине сотрудник Третьего отделения перевязал его рану, остановив кровотечение, но извлечь пулю, конечно, был бессилён. Врача или хотя бы фельдшера во всём этом войске не нашлось. Особо опасный государственный преступник больше не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Его уже обыскали, обнаружив пару поддельных паспортов и тысячу семьсот пятьдесят рублей денег ассигнациями и золотом. Прощупали одежду, нашли и вырезали из воротника рубахи неиспользованную ампулу. Рядом стоял на часах вооруженный жандарм.

– Я попробую поговорить с ним? – тихо спросил Платонов у Левковича.

Подполковник кивнул и показал часовому: отодвинься, мол. Григорий Денисович присел на корточки.

– Николай Васильевич, вы меня слышите?

Он молчал так долго, что Платонов почти утратил надежду. Левкович тоже деликатно удалился, оставив их наедине.

– Николай Васильевич? – повторил коллежский советник.

– А-а, глаза и уши, – послышался слабый голос.

– Виноват, не понял вас.

– Глаза и уши министра двора... Помню, помню, – лежащий человек не шевелился, жили только его глаза. – Владыкин пугал меня вами, а я не поверил. Зря.

– Напрасно вы всё это устроили, – тихо произнес Григорий Денисович. – Нашли, кому подражать. Нечаев никакой не герой. Он обыкновенный убийца, душегуб.

Соколовский мучительно, через силу, вздохнул. Оба его глаза, казалось, сверкнули в белых сумерках.

– Что вы понимаете в таких людях? Он – настоящий вождь. Все ваши Адлерберги его мизинца не стоят.

Сравнение с Адлербергами его собеседник ничуть не принял на собственный счет. Наоборот, покивал, как бы соглашаясь, и спросил:

– Вы сегодня собирались освободить его из Петропавловки, верно?

Ответом стало гробовое молчание.

– Собирались, не отрицайте, – плавно развил свою мысль Платонов. – Только дополнительная охрана помешала, которую вчера в рavelине разместили. Нечаевских приверженцев там не настолько много, чтобы с ней тягаться.

Раненый заскрипел зубами.

– Ваши планы я вижу, как на ладони. Хотите, изложу подробно?

Снова тишина в ответ.

– Так вот, – не смутился Григорий Денисович, – об акции, как вы изволили ее называть. Ее Нечаев и придумал, пока

в одиночной камере сидел. С вами и вашими сподвижниками он завязал сношения через свою сестру Анну, живущую неподалеку отсюда – на углу Большого проспекта и Гатчинской улицы. Сама она ничего не знает, можно допрашивать хоть до второго пришествия. Переселилась в Петербург в восемнадцать лет, когда брат создавал «Народную расправу», шьет на дому. Ее использовали как почтовый ящик. Люди из крепости просто приходили, забирали записки, приносили ответы. Потом вы с ними напрямую стали сноситься. Ничего не напутал?

– Чрезвычайно занимательно, – выдавил из себя Соколовский.

– Более чем. Я даже полагаю, что у нее до осени прошлого года хранились денежные средства, которые Сергей Геннадиевич собирал у добровольных жертвователей в Петербурге. Что-то, разумеется, за границу вывез, надо же было есть-пить и одеваться. А что-то оставил. Вы и тратили эти деньги, пока юная госпожа Рихтер бескорыстно не помогла делу освобождения. Но ювелирную лавку ее отца ограбили не только потому, что издержались. Следите за моей логикой?

Кречет не отводил взгляд от Платонова.

– Убить государя для вас было полдела. Нечаев решил подsunуть нам ложный след, якобы турецкий. Богданова никто и не ждал в Константинополе, он должен был просто побывать там, отметитья. Улики в виде билетов на пароход показалось маловато, и вы велели ему послать открытку в Са-

ратов. Вклад в Волжско-Камском банке был открыт и закрыт с той же целью. Тем временем Елена Рихтер съездила в Вену и отправила анонимное письмо нашему послу. Неважно, что сразу не поверили. Ваш вождь правильно рассудил: у шоссе найдут тело Богданова, которого Медведь должен был зарезать, тело бедняги извозчика на квартире, а может, кинжал заодно, пойдут копать, установят личность – и до Турции доберутся и уже иначе на то апрельское предупреждение посмотрят...

– Дьявол, – прохрипел террорист.

– Вы мне льстите. К врагу рода человеческого Нечаев гораздо ближе, – прокомментировал его ремарку Григорий Денисович. – Надо отдать ему должное, план был очень гибким. Даже если от взрыва в поезде не пострадал бы никто из императорской фамилии, он всё равно принес бы результат. Представляю себе реакцию общественности на подобное покушение! Налицо неслыханный патриотический подъем, а тут османские шпионы подняли руку на батюшку-царя и наследника... После этого война непременно до победного конца, до русского креста над Святой Софией! Никаких попятных шагов и компромиссов! Что это значило бы, объяснять излишне. Неизбежное столкновение с Англией и Австрией, новую коалицию против нас. Новое поражение и, как верит Нечаев, долгожданную революцию.

Платонов остановился, перевел дыхание. Левкович бурлил его взглядом, но был слишком далеко, чтобы слышать

разговор с Соколовским.

– Драгоценности понадобились, прежде всего, Нечаеву для второй эмиграции. Сбыть их где-нибудь в Европе, обратить в полновесные фунты или франки, переждать, а если действительно начнется смута, тайно вернуться и взяться за старое. Оружие, бомбы, паспорта недешевы. Вот и было бы, чем расплачиваться. Вы кем хотели стать в его будущем правительстве?

На иронический вопрос Григория Денисовича поверженный террорист тоже предпочел не отвечать.

– Наверное, вините брата за то, что предупредил Анну Геннадиевну о грозящей опасности? – спросил коллежский советник, отбросив иронию. – Судя по этому эпизоду, Медведь знал про «почтовый ящик». Думаю, с его помощью он, как и вы, первоначально установил связь с Нечаевым. Но, по мнению Дмитрия Васильевича, и такой головорез мог дать показания после ареста.

– Он у вас? – подал голос Соколовский.

– Медведь? Нет, погиб. Как видите, я честен с вами.

– А Вер... а Богданов?

– Богданов, он же Верный, также мертв. Только смерть – ничего другого ваша деятельность не принесла. Впрочем, другого вы и не могли предложить. Бориса с его барышней, согласно иезуитскому кодексу, держали возле себя как людей второго или третьего разряда, для использования вслепую. Их будущее было решено с первого дня в организации.

Раненый попробовал презрительно плюнуть, но вышло плохо.

– В вашем дворцовом мирке люди не делятся на разряды?

– О, мой мирок далеко не совершенен. Но в нем не убивают ради фантазий о равенстве и братстве, – серьезно ответил Платонов. – Интересно, кстати, что вы сказали бы Богданову, если подробности гибели девушки сразу попали бы в газету? Безусловно, стали бы отрицать свою причастность, списали всё на полицейскую провокацию. Манипулировать людьми вы научились у своего кумира... Где спрятаны ценности Рихтера, конечно, не подскажите?

– Нет.

Этот шепот Григорий Денисович скорее угадал, чем услышал.

– Ну и Бог с ними, – добродушно сказал он.

Жандармский подполковник уже делал Платонову какие-то жесты, очевидно, призывая завершать разговор.

– Вы сильный человек, а сильные люди умеют достойно проигрывать, – продолжил Григорий Денисович. – Скажите, я ни в чем не ошибся насчет вашего с Нечаевым плана?

Судя по искажившемуся лицу, для ответа Соколовский собрал все таявшие силы.

– Надо было не Владыкина прикончить, а тебя.

Глаза Платонова, как обычно, остались невозмутимыми.

– Дмитрий поступил не как бездушный изувер, мне жаль его, – сказал он, вставая на ноги. – Вас не жаль. Прощайте.

Доставленный наконец врач взялся за Соколовского. Платонов и Левкович отошли к разломанной внешней ограде, подполковник впервые после штурма вытащил папиросы и спички.

– Присоединитесь?

– Нет, благодарю, – отказался Григорий Денисович.

– Что он вам говорил? Неужто исповедовался?

– Исповеди мы не дождемся... Мне было интересно проверить кое-какие свои умозаключения, и я проверил.

Всеволод Романович прищурился с хитрецей.

– Поделитесь хотя бы одним?

– Простите, не имею права. Об этом – только с министром.

– Да-с, дисциплина мать победы. Понимаю.

Врач, немолодой располневший мужчина с сединой в бородке-эспаньолке, подошел к Левковичу как, видимо, старшему из офицеров поблизости от него.

– Не знаю, кому сообщить...

– Что именно?

– Ему осталось жить максимум час. Может, позвать священника?

– Попробуйте. Вряд ли у него что-нибудь выйдет, но почему нет? – за жандарма откликнулся Григорий Денисович.

Эпилог

– Отряд генерала Циммермана переправился через Дунай! Наши взяли Галац и Браилов! Турки отступают!

Продавец газет не жалел голосовых связок, делая свою работу. По другую сторону парапета над ширию Невы с противными криками носились чайки. От воды, несмотря на погожий июньский день, тянуло холодом. Григорий Денисович стоял на Дворцовой набережной, опершись о парапет, и держал в руке только что полученное письмо от графа Адлерберга.

«Хотя главные силы пока не двинулись с места, забот у нас в Плоешти хватает, и мечты об отдыхе, похоже, останутся мечтами до завершения кампании, – собственноручно писал министр двора. – Ознакомившись с вашим посланием, я сегодня имел о нем краткую беседу с государем. Его императорское величество благодарит вас за преданность, находчивость и отвагу. Однако оригинальная догадка относительно известного вам лица признана к настоящему времени не вполне доказанной...»

– Не вполне доказанной, – вслух повторил коллежский советник, оторвавшись от письма и глядя на бастионы Петропавловской крепости за рекой.

«Благодаря Мезенцову мы отныне знаем, кем был так на-

зываемый Медведь. Это некто Ипатов Вадим Никифорович из Калуги. Отец его, между прочим, лицо духовного звания. Как вы и предполагали, сын сего отца привлекался по делу 1869 года, но за недостатком доказательств избежал обвинения...»

Мимо Платонова прогулочным шагом двигалась кучка молодых людей в студенческих фуражках. Кто-то тараторил что-то на ходу, кто-то заливисто смеялся. От войны и политики они, кажется, были далеки. Впрочем, как знать.

«Пусть ваша догадка не в чести, тем не менее, будет дано высочайшее повеление Егору Ивановичу Майделю²⁸ с особым тщанием отнестись к содержанию под стражей известного вам лица. Государь уверен, что Егор Иванович обладает достаточным опытом для выполнения возложенных на него обязанностей...»

Дочитав до этих слов, Платонов медленно и тщательно сложил министерское письмо и сунул его во внутренний карман форменного сюртука. Ледяной встречный ветер, пробрав до костей, заставил его поежиться.

– Особое тщание нам всем не повредит, – пробормотал он.

Из окна камеры номер пять Зимний дворец и набережная не были видны. Алексеевский рavelин смотрел на запад,

---

²⁸ Егор Иванович Майдель – генерал от инфантерии, в 1877 г. комендант Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости.

в сторону Малой Невы. Сквозь толстые прутья решетки и мутное стекло узник в хорошую погоду мог разобрать только крыши домов Васильевского острова. Вожденная свобода маячила совсем близко – будь он птицей, хватило бы нескольких взмахов крыльями, – но, увы, революционеры не летают.

Три недели назад Сергей Нечаев готовился вырваться из этого каменного мешка с крашеными стенами. Кречет с двумя надежнейшими сподвижниками должен был ждать в лодке внизу, в Кронверкском проливе. Ребята из караульной команды воскресным вечером тихо вывели бы его наружу и помогли спуститься по откосу. Он, правда, хотел более эффектного освобождения – с прибытием товарищей в гвардейских мундирах и с пакетом якобы от наследника престола. Тот же Кречет отговорил, убедил сделать всё незаметнее.

План нарушило появление дополнительной охраны из корпуса жандармов. Чужаки взяли рavelин в кольцо, внутри выставили новые посты. Интуиция подсказала Нечаеву, что грядут плохие новости с воли. И точно, Староста принес весточку о крахе покушения. Подробностей провала Кречет не знал, но, по его словам, был готов рискнуть с Петропавловкой. Видя, как ничтожны шансы на успех, Нечаев наскоро сочинил записку с требованием ждать до получения сигнала.

На этом связь оборвалась. Пила ходил с запиской в город, вернулся ни с чем. Кречет пропал. В условленных местах его

больше не видели... Удар был тяжелейший, стоило гигантского труда не сломаться. Вчера по ту сторону стены были его соратники, отчаянные, до самозабвения преданные, готовые ко всему. Теперь их не стало. Где и как искать новых? Сколько сил и времени понадобится?

– Ваша взяла, а я сильнее. Справлюсь! – шептал он, сжимая стальные прутья.

Ничего, ничего... С ним тут Пила, Староста, Портной, Шапка, Барыня, другие солдаты и унтера, которых он заставил почитать себя как мессию. Революция обязательно грянет, и его мучители проклянут день, когда родились на свет. Надо верить.

В соседней одиночке душераздирающе вопил другой узник, кажется, уже сошедший с ума. Нечаев даже не знал его имени²⁹.

КОНЕЦ

---

²⁹ Одновременно с Нечаевым в 1877 г. в Алексеевском рavelине содержался только один заключенный – бывший драгунский поручик Михаил Бейдеман, автор манифеста от имени якобы здравствующего императора Константина I. Он был помещен в крепость еще в 1861 г.